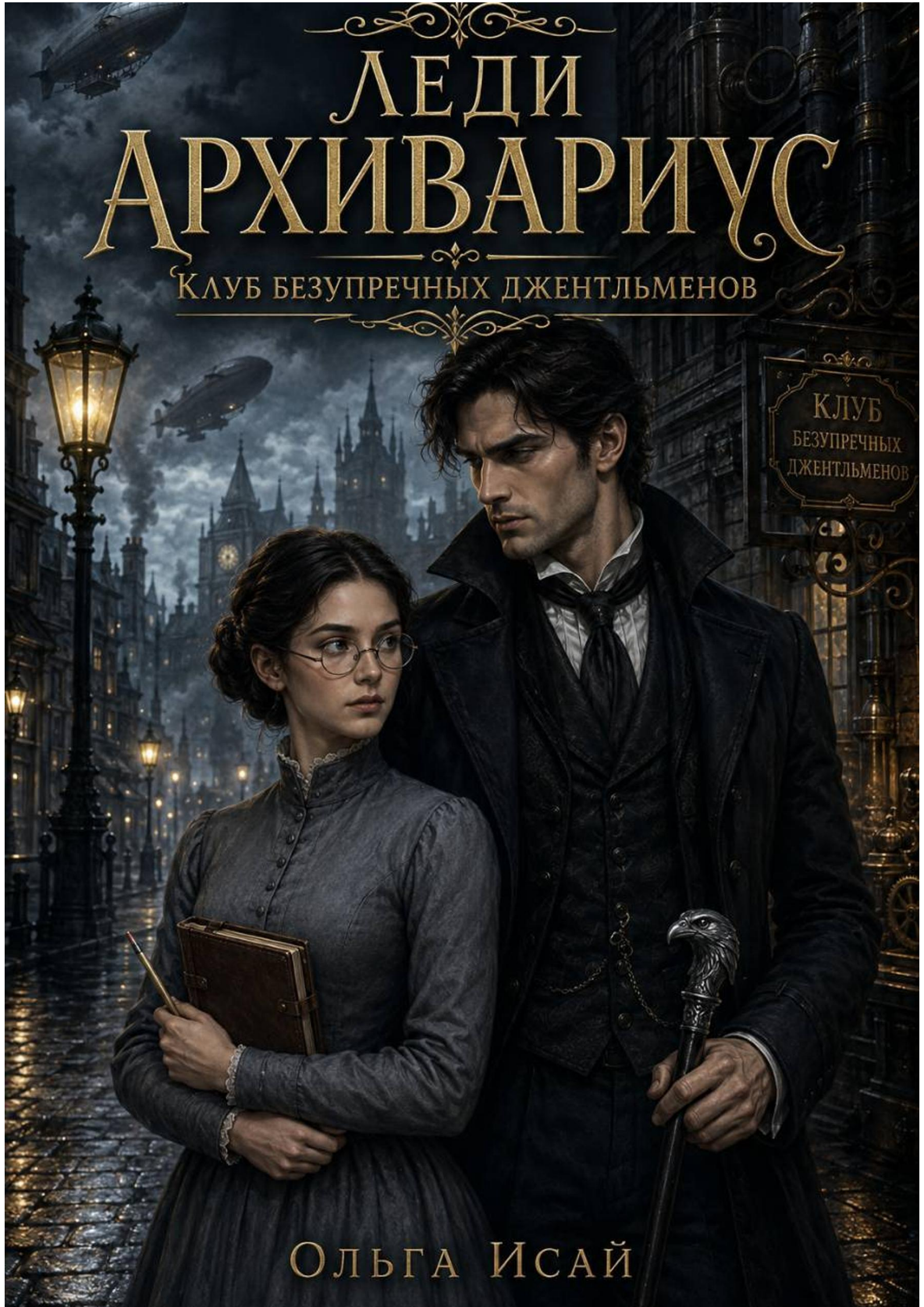

ЛЕДИ АРХИВАРИУС

КЛУБ БЕЗУПРЕЧНЫХ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

КЛУБ
БЕЗУПРЕЧНЫХ
ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

ОЛЬГА ИСАЙ

Ольга Исай

**Леди Архивариус. Клуб
безупречных джентльменов**

«Автор»

2026

Исай О.

Леди Архивариус. Клуб безупречных джентльменов / О. Исай —
«Автор», 2026

Вейлмар тонет в тумане — и в страхе. Убиты девушки, и город шепчется о маньяке, которого не может поймать полиция. А в это время в управлении сыска появляется новый суперинтендант — лорд Аластер Грейвз, надменный аристократ с холодными глазами, которому, кажется, нет дела ни до чужих смертей, ни до простых смертных. Элизабет Блэквуд, вчерашняя выпускница колледжа из Нижнего яруса, — всего лишь его секретарь. Варит кофе, переписывает бумаги, не задает лишних вопросов. Но когда Элизабет случайно находит то, что не должны были найти, она оказывается втянута в игру, где на кону не только её работа, но и жизнь. Туман скрывает убийцу. Туман скрывает тайны высшего света, где под масками прячутся чудовища. И туман не рассеется, пока Элизабет и лорд Грейвз не пройдут по следу, ведущему из грязных переулков Нижнего яруса в блистательные залы императорского дворца. Но чем ближе они к разгадке, тем опаснее становится игра. И тем труднее обоим делать вид, что между ними — лишь работа.

© Исай О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. В которой я знаколюсь с лордом Грейвзом и собственным бессилием	8
Глава 2. В которой я спускаюсь в архив и нахожу больше, чем искала	14
Глава 3. В которой я сомневаюсь в намерениях лорда Грейвза	19
Глава 4. В которой наступает затишьеи произносятся важные слова	28
Глава 5. В которой арестовывают промышленника, я узнаю о чудовищных тайнах и впервые вижу лорда Грейвза растерянным	33
Глава 6. В которой я узнаю тайну лорда Грейвза, а инспектор Рид просит прощения	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леди Архивариус. Клуб безупречных джентльменов

Пролог

Туман поднимался от реки, как поднимается закваска в квашне, — медленно, неотвратно, заполняя собой каждую щель, каждый проулок, каждую трещину в брусчатке. Он клубился вокруг газовых фонарей, делая их свет похожим на желтые бельма умирающих стариков, и приглушал шаги констеблей, собравшихся на пустыре за скотобойней.

Место это, даже в ясный полдень не вызывавшее желания задержаться, теперь, в предрассветный час, казалось и вовсе проклятым. Ржавые остовы телег, осколки бутылок, скелеты крыс, разбросанные по земле, словно знаки чьей-то дьявольской азбуки, — все это туман делал призрачным, ненастоящим. И только одно на этом пустыре было настоящим до тошноты.

Тело.

Оно лежало на спине, раскинув руки, как будто девушка хотела обнять небо, но небо отшатнулось от нее в ужасе. Платье — простое ситцевое, какие носят простолюдинки: дочери лавочников и младшие горничные, — было изорвано и пропитано тем, что при свете фонарей казалось черным, но полицейские окружившие тело знали, что платье измазано алым. Лицо жертвы было запрокинуто, волосы разметались по грязной земле, словно кто-то выплеснул на пустырь кувшин с медом. На шее — следы, которых не заметил бы равнодушный прохожий, но от которых у бывалых полицейских сводило скулы.

Констебль Мартин Финч, двадцати двух лет от роду, прослуживший в столичной полиции без малого восемь месяцев, стоял в шести шагах от тела, и лицо его было блее, чем у покойницы. Он смотрел на нее не мигая, и губы его шевелились, будто он пытался прочесть молитву, но слова застревали где-то в горле, словно кость. В какой-то момент он согнулся пополам, зажав рот ладонью, но это не помогло: завтрак, состоявший из овсяной лепешки и жидкого чая, вырвался наружу, осквернив и без того нечистую землю.

Старший констебль Хейворт покосился на него с брезгливой жалостью.

— Отойди, Финч, — процедил он. — Не позорь мундир.

Мартин вытер рот рукавом, чувствуя, как краска стыда заливает щеки, и попытался выпрямиться. В голове его крутилась одна и та же мысль, навязчивая, как муха: «Она же совсем девочка. Совсем девочка. Ей же было лет шестнадцать. Или семнадцать. Или... Боже, что с ней сделали?»

Он не был трусом. Он видел и пьяниц, подравшихся в таверне, и карманников, избитых до полусмерти толпой, и даже раз — человека, попавшего под паровой каток. Но то было другое. То было несчастье, случайность, грубость жизни. Здесь же было нечто иное. Здесь было зло — голое, бессмысленное, холодное, как сталь хирургического скальпеля.

— Зафиксируйте все, — раздался вдруг голос, заставивший всех вздрогнуть. — Каждую деталь. Каждую мелочь. Утром это должно лежать на столе у нового суперинтенданта.

Приближался он медленно, ступая тяжело, как человек, несущий на плечах невидимый груз. Высокий, грузный, с седыми бакенбардами, обрамлявшими лицо, похожее на старую карту, где каждая морщина отмечала какой-нибудь пройденный жизненный путь. Суперинтендант Август Рид. Тот, кто прослужил в столичной полиции тридцать четыре года, из них последние семнадцать — на самом верху. Тот, кто видел больше смертей, чем любой житель столицы, но так и не научился к ним привыкать.

Он остановился в трех шагах от тела, достал из кармана перчатки и натянул их с размеренностью человека, который повторяет уже приевшийся ритуал. Затем наклонился — насколько позволяла больная спина, — и долго смотрел в лицо убитой.

— Третья за полгода, — произнес он тихо, словно разговаривал не с подчиненными, а с самим туманом. — И снова девчонка. Совсем молоденькая. Из простых, но приличных. Не проститутка, не бродяжка. Из семьи, где по вечерам читают молитвы и ставят свечи за здоровье. Такие не должны умирать вот так. Да и вообще никто не должен так умирать.

Он выпрямился, снял перчатку с правой руки и потер переносицу — жест, который все в участке знали наизусть. Когда суперинтендант тер переносицу, это означало, что он принимает трудное решение.

— Мне шестьдесят три, — продолжал он, глядя куда-то поверх голов своих подчиненных, в серую мглу, где тонули очертания Верхнего яруса. — Я слишком стар для таких приключений, господи. Слишком стар, чтобы ловить чудовищ, которые носят маски почтенных горожан. Слишком стар, чтобы не спать ночами, вспоминая глаза этих девочек.

Констебли молчали. Молодой Финч, забыв о позоре, слушал, затаив дыхание.

— Мне «сверху» намекнули, — и в его голосе впервые за вечер появилась горечь, — что пора на отдых. Что я засиделся. Что мои методы устарели, как и я сам. Ну что ж. — Он усмехнулся, и усмешка эта была похожа на трещину в старом камне. — Возможно, они правы. У меня есть пенсия. Есть небольшие накопления. Я давно обещал своей дорогой Агате, что мы купим домик на южном побережье, где солнце не тонет в смоге, а море пахнет солью, а не рыбой с рынка. Она ждала этого тридцать лет. Пора сдержать обещание.

Он замолчал, и в тишине слышно было, как где-то вдалеке завывает фабричный гудок — протяжно, тоскливо, как плач по умершему.

— А этим, — суперинтендант кивнул в сторону тела, — пусть занимаются молодые. Тем более, как я слышал, кандидатура уже есть. Какой-то выскочка из аристократов. Лорд с тростью и манерами павлина. Мне нашептали, что птица очень высокого полета. — Он снова усмехнулся. — Нам не чета. Вот пусть он и разбирается. У него, в отличие от меня, есть связи, амбиции и, вероятно, хороший кофе. А мне пора на покой. Надеюсь его амбиций хватит на то чтобы раскрыть это дело.

Он повернулся, собираясь уходить, но остановился. Оглянулся через плечо на тело, на туман, на понурых констеблей.

— Ребята, — бросил он, не оборачиваясь, — я сказал: зафиксируйте здесь все. Каждую деталь. Каждую мелочь. Протокол, зарисовки, фотокарточки, осмотр. Утром это должно лежать на столе у нового шефа. В идеальном виде. Поняли?

— Так точно, сэр, — ответил старший констебль.

— И уберите этого мальчишку отсюда, — добавил суперинтендант, кивнув в сторону бледного Финча. — Ему нечего здесь делать. Только потопчит все и загадит. Это зрелище не для юных глаз. Хотя... — он запнулся на мгновение, — Впрочем, зрелищ, до которых этому городу есть дело, уже не осталось.

И он ушел, растворившись в тумане, как призрак, который наконец-то получил свободу.

А туман все клубился, обволакивая пустырь, тело девушки, констеблей, фонари. И казалось, что сама столица — огромная, равнодушная, порочная — пожирает своих детей одного за другим, не оставляя даже имен.

Имя убитой было Эмили Харт. Ей было семнадцать. Она мечтала о новой шляпке и о том, чтобы однажды увидеть море. Она никогда не увидит ни того, ни другого.

Но об этом никто не расскажет. Эта страница заканчивается шагами старого суперинтенданта, уходящего в отставку, и молодым констеблем, который еще долго будет просыпаться в холодном поту, вспоминая распахнутые глаза мертвой девушки.

А история — та, что начинается на следующее утро, — история о людях, которые решат, что справедливость все-таки существует. И о тех, кто сделает все, чтобы удачные тайны навсегда оставались во тьме.

Глава 1. В которой я знакомлюсь с лордом Грейвзом и собственным бессилием

Если бы мне в то утро сказали, что к вечеру я буду стоять перед человеком, чьё имя заставит дрожать весь Вейлмар, я бы, наверное, рассмеялась — если бы у меня были силы смеяться по утрам. Но судьба, как известно, не спрашивает нашего мнения. Она просто выдёргивает стул из-под мягкого места, когда мы меньше всего этого ожидаем, а потом делает вид, что так и было задумано.

Я вышла из дома в семь утра, когда туман ещё не решил, кем ему быть — дождём или просто сыростью. Он висел над улицей, как невысказанное обвинение, и прохожие, спешившие по Тракту Императрицы, казались призраками, выбравшимися на свет по ошибке. Я шагала быстро, потому что у меня не было денег на экипаж даже простой омнибус, а пешая прогулка до Серебряных Крыш, так называли в нашем Нижнем ярусе район Верхнего яруса, занимала без малого час. Час наедине с собственными мыслями — а это, надо признать, не лучшая компания для девушки, которая всю ночь ворочалась, перебирая в голове завтрашний день.

Вчера был мой первый рабочий день, но я так толком ничего и не поняла. Вчера все бегали, сустились, мне так никто и не объяснил мои обязанности. Мой непосредственный начальник, полагаю, даже не запомнил меня.

На углу, возле газетного ларька, мальчишка лет двенадцати выкрикивал заголовки с таким надрывом, словно от их продажи зависела его жизнь.

«ТРЕТЬЯ ЖЕРТВА ТУМАНА! ПОЛИЦИЯ БЕЗДЕЙСТВУЕТ!»

Я купила листок за медяк, пробежала глазами по строчкам и почувствовала, как внутри что-то сжимается, — то самое чувство, когда чужая беда вдруг оказывается слишком близко, чтобы отвести взгляд.

Столица Алдорийской империи, Вейлмар, умела делать вид, что всё в порядке. У неё были великолепные проспекты, залитые электрическим светом, красивые крыши покрытые блестящей жёстью, белокаменные колонны баллюстрад, аккуратные живые изгороди на Верхнем ярусе, и кривые улочки Нижнего, где фонари горели через раз, а пар из подземных труб вырывался с таким шипением, будто сам город страдал одышкой. Я жила на границе — в том районе, который ещё не скатился в трущобы, но уже с тоской поглядывал в их сторону. Мой дом, если его можно так назвать, был сродни старой деве: держался из последних сил, но весь её вид давал понять, что хорошие времена миновали.

У здания столичного управления сыска я остановилась, чтобы перевести дух. Оно, как всегда, произвело на меня впечатление запертого сундука, в который набивали человеческие тайны до тех пор, пока крышка не перестала закрываться. Высокие окна, затянутые решётками, походили на глаза, из которых ушла надежда. И вот я уже второй день могу называть это место своей работой.

Кто же знал, что меня — лучшую выпускницу факультета архивариусов-делопроизводителей распределят в управление сыска? Абсолютно весь курс был уверен, что меня обязательно распределят в имперскую канцелярию. Как раз во время итоговых экзаменов пришли сведения о наличии одной освободившейся должности мелкого служащего, на которую готовы были рассмотреть выпускника нашего колледжа.

А во всем виновата чернильница, случайно вылетевшая из моих рук и испачкавшая новое платье нашего проректора — Агнес Смит. Эта старая дева и так не любила молодых студенток,

а после возникшей случайности вообще озверела. И вот теперь я стою перед зданием управления сыска. Только во время моей учебы отсюда больше десяти раз приходили запросы на выпускников. Текучка на этой должности была огромная.

Моя ситуация сложна была еще и тем, что мне надо было минимум пять лет проработать на выбранной для меня колледжем должности или мне придется оплатить свое обучение за все годы, а для нашей семьи это неподъемная сумма.

Я вздохнула, поправила выбившуюся из пучка прядь и вошла. Ох, надеюсь, что моего отличного знания делопроизводства и любви к детективной литературе хватит для сносного исполнения своих обязанностей..

Внутри пахло карболкой, дешёвым табаком и сыростью. Я уже научилась различать эти запахи — они были здесь вместо духов. Дежурный констебль сидел за столом с лицом человека, который не спал всю ночь и, судя по всему, не собирался спать следующей. Я поздоровалась, но он лишь кивнул, не поднимая глаз. В его взгляде, когда он всё-таки посмотрел на меня, было что-то такое, от чего мне стало не по себе. Не страх. Скорее — равнодушие. Привычка каждый день видеть неприятные, а иногда и ужасные вещи. Делается не по себе, когда понимаешь, что чужая беда, боль и трагедия становятся для кого-то просто работой, ежедневной рутинной.

Коротко сообщив кто я и по какому поводу здесь, меня направили сначала в канцелярию, где вполне милая девушка объяснила мне мои обязанности и указала место моей работы на ближайшие пять лет.

На первый взгляд все было не сложно. Помогать с оформлением документов, готовить отчеты, сводки и справки, записывать ход встреч, отсортировывать посетителей, следить за расписанием и конечно же готовить кофе.

Ступени стонали под ногами, как старики, которых заставили подняться из любимого кресла. Коридор, выстланный потертым ковром с выцветшим узором, уводил меня к двери, темного дерева, истертого временем и покрытого выщерблинами. У этой двери я остановилась и сделала то, что всегда делала перед важными событиями, — выдохнула и сосчитала до трёх. Мне велели подготовить кабинет к прибытию нового суперинтенданта. Оказывается у нас теперь новый начальник. Мне это тоже сообщили с утра. Старый, как сообщили в канцелярии, ушёл ещё затемно, оставив после себя лишь запах трубочного табака да стопку бумаг на столе. Причины ухода никто не знал.

Я открыла дверь. Мой первый полноценный рабочий день начался.

Кабинет встретил меня тишиной, сквозняком и опрокинутой чернильницей. Чернильное пятно расплылось по столу, как карта неведомого архипелага. На мгновение мне стало жаль старика, который прослужил здесь больше тридцати лет, а ушёл, даже не успев убрать за собой. Впрочем, у него были причины торопиться. Я читала в газетах, что вчера нашли третью жертву — девушку по имени Эмили Харт, семнадцати лет. И что суперинтендант уходит в отставку именно после этого дела. Совпадение? Возможно. Но я в совпадения верила не больше, чем в рассказы о том, что на дне канала живут русалки.

Я принялась за уборку. Собирала документы, раскладывала их по папкам, вытирала чернила тряпкой, найденной в ящике. И с каждой минутой всё больше погружалась в молчаливое свидетельство чужой службы. Некоторые бумаги были датированы неделями назад, некоторые — вчерашним вечером.

Среди них я заметила тонкую папку с надписью «Дела к передаче». Я протерла все вокруг. Рука дрогнула, но я не остановилась. Отличница, перфекционистка, человек, который не может пройти мимо незакрытого ящика и неровно стоящего стула — я открыла папку. Надо систематизировать информацию. Чтобы новый начальник скорее вошел в курс всех дел.

Внутри лежали две папки потоньше. Первое дело — о молодой женщине по имени Маргарет Эшфорд, двадцати двух лет, найденной под мостом у Тракта Императрицы. Второе — о девочке Розалинде Кросс, шестнадцати лет, ученице пансиона для благородных девиц, кото-

рую обнаружили в полутора километрах от первого места, неподалёку от придорожного трактира.

Я села на край стула — не потому, что устала, а потому, что ноги вдруг сделались ватными, — и раскрыла первую папку. Маргарет Эшфорд. Двадцать два года. На пожелтевшем бланке — фотографическая карточка: круглое лицо, тёмные волосы, убранные под чепец, губы, тронутые сдержанной улыбкой. Она была так молода, но жизнь её прервали так ужасно.

Из протокола следовало, что она вышла замуж в девятнадцать за человека вдвое старше. Приданое утекло в долги супруга ещё до рождения первенца. Свекровь пилила её ежедневно — за расточительность, за неумение вести дом, за сына, который «мог бы найти и получше». Муж редко бывал дома, а когда бывал, пахло от него дешёвым вином и чужими духами. У Маргарет был мальчик, три года, звали его Эдвин, и в день исчезновения она вышла из дому на рынок за молоком для ребенка, оставив сына у соседки. Больше живой её никто не видел.

Нашли её под мостом, в грязи, в изорванном платье, с руками, заведёнными за спину. Вскрытие показало: перед смертью её долго мучили. Но в деле вывод следователя был прост и убийственен: «Предположительный мотив — семейные разногласия. Возможно, несчастный случай». И ни слова о том, как объяснить следы на запястьях, которые я заметила в описании повреждений.

Я перевернула несколько страниц и наткнулась на протокол допроса её мужа. Читала его медленно, потому что строки то и дело расплывались. Он отвечал сбивчиво, путался в мелочах. Сначала заявил, что весь вечер провёл в клубе, затем вдруг вспомнил, что по дороге заходил в трактир, а после и вовсе сказал, что сразу направился домой. Однако соседи показали: дома его не было до глубокой ночи. Алиби не подтвердилось. Но следователь, похоже, не придавал этому значения, ограничившись пометкой на полях: «К допросу не готов. Путается в показаниях».

Я откинулась на спинку стула. Этот человек имел мотив — приданое потрачено, жена нелюбима, на пороге — любовница. И у него не было алиби. Но в итоге дело прекратили указав «несчастный случай». Я так поняла по данному делу никто не был арестован, даже подозреваемых не было.

Я открыла следующую папку, чувствуя, как к горлу подступает горечь. Розалинда Кросс. Шестнадцать лет. Ученица пансиона, рыжие волосы, веснушки. Она возвращалась от тётки и не доехала до пансиона совсем немного. Её нашли у придорожного трактира, в канаве. В протоколе осмотра значилось, что одежда была в беспорядке, на теле следы насилия, руки связаны. Следователь приписал в конце: «По всей видимости, жертва разбойного нападения». По все видимости. То есть, полиция даже не была уверена, но дело тоже прекратили.

Я сидела и смотрела на эти две папки. Маргарет, мечтавшая о тихом семейном счастье без склок, — она получила вместо этого ненависть свекрови, измены мужа и смерть под мостом. Розалинда, с её смешными веснушками и дешёвыми серёжками, — она даже не успела узнать, каково это — влюбиться. Они были такие разные и такие одинаковые в своём трагическом конце.

В деле Маргарет я нашла осмотр теле в котором было описание следов на запястьях: «Борозды шириной от двух до четырёх миллиметров, рельеф плотный, чёткий, глубокий. На дне борозд — мелкаячеистая текстура». Странно. Для верёвки такие следы слишком узкие и ровные. Верёвка обычно оставляет более широкие и размытые повреждения. Но в деле было написано: «Следы от верёвки». Но смотря на то, как неаккуратно были оформлены документы, я бы не удивилась если это было просто ошибкой или опiskой.

Рядом с описью лежали подробные снимки, на которых с разных ракурсов изображено место преступления. Они были сделаны с необычной тщательностью: чёткие, детальные, словно фотограф хотел запечатлеть каждую песчинку. На картонном обороте каждого снимка стояла едва различимая подпись: «Судебный фотограф Г. Мортон», надпись «Негативы сохраняются» и номер «4124/2».

Я пересмотрела дело Розалинды. И снова — подробные фотографии с места происшествия, с той же подписью только номер стоя другой «4213/2».

Закрыв папки, положила их на край стола. Чернильное пятно на столе я уже оттерла, но мысли мои всё ещё вертелись вокруг двух девушек.

В коридоре послышались шаги — уверенные, неторопливые. Дверь отворилась. И в кабинет вошёл тот, кого все управление ожидало с затаенной тревогой.

Он вошёл решительно, будто это всегда был его кабинет. Буто все здесь принадлежало ему. Высокий, с тёмными волосами, слегка растрёпанными ветром, с холодными стальными глазами, которые скользнули по мне, как луч фонаря по стене, — не задерживаясь на деталях, но замечая всё. На нём был сюртук из тонкого сукна цвета воронова крыла, а в руке — трость с набалдашником в виде птичьей головы, сжимавшей в клюве медный шар. Кольца поблёскивали на пальцах, дорогие кольца, очень, но обручального среди них не было. Лорд Аластер Грейвз. Тот самый «выскочка из аристократов», о котором шептались со вчерашнего вечера. Его имя мне тоже назвали утром в канцелярии. Указ о его назначении принес имперский курьер буквально через пару минут после того как я сама вошла туда.

Я позволила себе на миг закрыть глаза, и перед внутренним взором всплыло вчерашнее утро — моё первое утро в этом кабинете. Я вошла сюда, дрожа от волнения, с новеньким блокнотом в сумочке и тревогой, застрявшей где-то между ребрами. Суперинтендант Август Рид встретил меня рассеянным кивком, даже не подняв головы от бумаг. Я успела лишь представиться, как в кабинет ворвался дежурный с донесением: нашли тело, Тракт Императрицы, девушка. Старик поднялся так резко, что опрокинул чернильницу, схватил пальто и вышел, бросив мне на ходу: «Найдите себе занятие сами». Я прождала его до вечера. Я помогла девушкам в канцелярии разложить бумаги, выпила чаю и протерла в приемной пыль и полила единственный едва живой цветок в щербатой кадке. Больше занятий для меня не нашлось. А к вечеру весь участок гудел, как растревоженный улей: суперинтендант подал в отставку. Не вернулся, не объяснился — просто прислал копию своего рапорта, заверенную печатью дворца в канцелярию управления. А мне оттуда же передали: завтра утром надо прибраться в кабинете к прибытию нового начальника. Так я и осталась в первый день без начальника, а во второй — на пороге встречи с тем, кто должен был им стать.

— Доброе утро, лорд Грейвз, — поднялась я со стула, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Меня зовут Элизабет Блэквуд - ваш секретарь.

Он прошёл мимо, даже не кивнув, и остановился у окна, глядя вниз, на площадь, где клубился туман и копошились прохожие, похожие на муравьёв.

— Кофе, — бросил он, не оборачиваясь. — Чёрный. Крепкий. Без сахара. И найдите мне последние дела об убийствах девушек. Тех, о которых с утра трубят газеты.

Я почувствовала, как краска приливает к щекам. Мне хотелось ответить что-нибудь резкое, но я сдержалась. В конце концов, он был моим начальником. А я — всего лишь секретарём. Вчерашним выпускником колледжа, которому выпала сомнительная честь варить кофе тому, кто, возможно, сам не знает, как вообще проводятся расследования.

— Лорд Грейвз, — произнесла я, и голос мой прозвучал на удивление твёрдо, — Оба дела на столе в папке. Третье еще не принесли. Убийство обнаружили только вчера утром, после оформления вам его сразу принесут. Я слышала, что вчера об этом распорядился суперинтендант Рид. Кофе будет готово через несколько минут.

Я немного помедлив решила.

— Простите мне мою вольность, но возможно, вам будет интересно узнать, что я с утра изучила дела, которые вы просите.

Он обернулся. Медленно, как будто сама мысль о том, что какая-то секретарша может изучать дела, была ему неприятна.

— И что же интересного вы там нашли, мисс Блэквуд? Да будет вам известно, что подробности убийств не подлежат разглашению, а если вам вздумается сплетничать или, упаси Господь, продать подробности писакам, то вы сами можете оказаться у нас в застенках за разглашение тайны следствия. Я надеюсь не о такой карьере вы мечтаете?

Меня прошиб холодный пот, но через секунду уже к моим щекам снова прилил жар. Да как он смеет?

Понадобилось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки. Ох, не так надо начинать общение с новым руководством. Но, вспомнив о девушках, я решила продолжить.

— Обе девушки были связаны, на запястьях остались следы, которые не вяжутся с выводами сделанными инспекторами. В обоих делах убийцу не нашли, а списали на несчастный случай и ограбление. Это может быть совпадением, но... дела похожи. Да и тела найдены недалеко друг от друга.

В кабинете повисла тишина. Такая, что стало слышно, как за окном мальчишка выкрикивает заголовки:

«ТРЕТЬЯ ЖЕРТВА! ТРЕТЬЯ ЖЕРТВА!»

Аластер смотрел на меня, не мигая, и лицо его было похоже на маску из слоновой кости. Затем он шагнул к столу, взял папку и раскрыл. Его пальцы листали страницы с небрежной ловкостью, но я заметила, что взгляд задерживается ровно на тех строках, которые я отметила карандашом.

— Вы внимательны, — произнёс он наконец, и в его голосе мне почудилось нечто, похожее на уважение. — Немногие секретари этим отличаются. Но ваши выводы основываются на изучении дел или продиктованы заголовками газет?

— Внимание к деталям входит в мои обязанности. А выводы основаны на том, что я увидела в папках. У обоих жертв были связаны руки, причем это точно не простая веревка, слишком тонкий и глубокий след. Скорее всего это тонкий шелковый шнур. Очевидно возникают вопросы. Первая жертва несчастного случая, связывание с этим не вяжется, простите за каламбур. Вторую, как говорят документы ограбили, но тоже зачем связывать. Потом следы насилия на теле...

Затем лорд подошёл ко мне почти вплотную, и я в который раз ощутила запах дорогого одеколона с нотками дыма и чего-то сладковатого, почти ядовитого.

— Интересные выводы для выпускницы колледжа.

Я снова покраснела. Теперь от смущения. Кому я решила показать свои «дедуктивные познания»? Он же начальник управления полиции. Какая же я нелепая.

— Прошу прощения, лорд Грейвз. Я просто очень люблю детективы. — помянула я — Мисс Адрианна Томпсон прекрасно пишет истории, я не пропустила ни одной книги.

Лорд Грейвз усмехнулся.

— Прекрасный источник знаний, мисс...

— Блэквуд. Элизабет Блэквуд, сэр.

— Ну раз уж дела обстоят так, тогда, мисс Блэквуд, вы будете не только варить кофе. Я правильно понимаю, что сегодня ваш первый день в этом богоспасаемом учреждении? Надеюсь, у вас достаточно любознательности, стойкости и исполнительности? И я надеюсь на вашу преданность и честность. Вы же не испугаетесь, мисс?

— Я из Нижнего яруса, сэр. Мы отличаемся смелостью, ведь у нас нет выбора... сэр.

Уголок его губ снова дрогнул — не то улыбка, не то усмешка. Он отошёл к окну, и туман за стеклом по-прежнему пожирал город, как голодный зверь пожирает добычу.

— Тогда начнём, будем вместе отбиваться от местных змей и тарантулов — сказал он, не оборачиваясь. — И принесите мне все чертовы дела об убийствах. Все. До единого. Я вижу,

что это не совпадение и уверен что за последние несколько лет убили не только этих троих. Сделайте выборку скажем за последние пять лет все случаи убийства девушек от пятнадцати до двадцати пяти лет. Надеюсь это тоже входит в ваши обязанности? И все-таки сварите мне кофе.

— Как пожелаете.

Я вышла, чувствуя лёгкий подъём. Впервые за день мне показалось, что меня услышали. Но уже через мгновение, когда я наливала кофе, его голос догнал меня в приёмной:

— Только не обольщайтесь, мисс. Следы на запястьях и похожий способ убийства ещё ни о чём не говорят. К тому же у первого убийства есть подозреваемый — муж. Ваша связь может оказаться обычным совпадением.

— Все может быть, сэр.

Глава 2. В которой я спускаюсь в архив и нахожу больше, чем искала

Я вышла из кабинета лорда Грейвза с чувством, будто меня окунули в ледяную воду, а затем выдернули на жаркий воздух. Приказ сварить кофе и найти дела — это было простое, понятное поручение, но после его слов о «змеях и тарантулах» мне казалось, что стены коридора сдвинулись на пару дюймов ближе.

На кухне для служащих пахло пригоревшей кашей и дешёвым табаком. Я сварила кофе в старой турке, тщательно следя за тем, чтобы напиток получился крепким и горьким. Затем поднялась обратно. Новый суперинтендант уже сидел за столом, углубившись в папку. Он не заметил, как я вошла, не отреагировал на лёгкий стук чашки о поднос. Я поставила кофе на край стола, на безопасное расстояние от бумаг, и тихо произнесла: «Ваш кофе, милорд». Он даже не поднял головы, лишь махнул рукой, словно отгоняя муху. Я постояла ещё мгновение, разглядывая его склонённый профиль — резкую линию подбородка, тёмные волосы, в которых поблёскивала преждевременная седина. Затем вышла, вновь чувствуя себя невидимкой.

В архив я спускалась по узкой лестнице, которая, казалось, вела в самое чрево здания. Здесь, в подвале, пахло иначе, как пахнет только в архивах и библиотеках: пылью, старой бумагой, мышами и немного плесенью. Стеллажи уходили в полумрак, как бесконечные ряды могильных камней. Архивариус, мистер Пратчетт, сухонький старичок с очками на кончике носа, встретил меня с подозрением.

— Пять лет, говорите? — переспросил он скрипучим голосом. — Это же сотни дел, мисс. Вы хоть представляете, сколько времени займёт поиск...

— Мне нужны не все, — перебила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Все убийства женщин за последние пять лет. Возраст, если указан, примерно от пятнадцати до двадцати пяти лет. И ещё — все дела, где жертвами были женщины, независимо от возраста, если в описании есть упоминания о связывании.

Мистер Тэтчер побряхтел, но принялся выдвигать ящики. Вскоре передо мной выросла стопка из нескольких десятков папок. Я уселась за грубый стол и принялась за работу.

Год назад — молодая женщина, найденная у старого пакгауза. Дело закрыто как «несчастный случай». Два года назад — девушка, обнаруженная в переулке возле Тракта. Формулировка: «смерть по неосторожности». Ещё раньше — несколько случаев, где жертвы были разного возраста, но обстоятельства показались мне знакомыми.

Я заметила, что во многих делах отсутствовали подробные описания повреждений. Не было отметок о связывании, о насилии, о пытках. Зато были подшиты записки от прошлого суперинтенданта: «Прошу провести дополнительный осмотр тела», «Необходимо опросить соседей», «Выяснить, был ли у погибшей покровитель». И на полях — сухие пометки инспекторов: «Дополнительных свидетелей не найдено», «Осмотр проведён», «Сведений не имеется». Формально поручения выполнялись, но по сути — нет.

Параллельно я искала упоминания следов связывания. Во многих делах находила фотокарточки фотографа Мортонa. Видимо он был штатным фотографом и работал на полицию. В деле Маргарет я уже видела это, в деле Розалинды — тоже. Ещё в двух делах за прошлые годы мне попались описи с пометкой «борозды на запястьях» или «следы связывания», но многие дела были закрыты как «несчастный случай» или «смерть по неосторожности», и их связь с нынешними убийствами казалась сомнительной. В нескольких случаях преступников нашли и они были приговорены к тюремному заключению или к каторге.

Я записывала всё в блокнот, стараясь не упустить ни одной детали. Пальцы немели, но я продолжала. В нескольких делах не хватало вещественных доказательств: где-то отсутствовали описи личных вещей, где-то — протоколы вскрытия.

Среди кипы серых папок моя рука наткнулась на тонкое дело, не имевшее отношения к убийствам. Видимо попало случайно. Ограбление. Потерпевшая — пожилая вдова ветерана Южной войны, миссис Гвендолин Прайс, проживающая в бедном квартале у Восточного моста. Из её скромного жилища украли золотой орден покойного мужа, украшенный полудрагоценными камнями и гравировкой имени и даты битвы при Каррагане. Вещь, конечно, имела стоимость, но сбыть её было почти невозможно: именной, редкий. Следователь подозревал племянника вдовы, известного картёжника, который проигрывал крупные суммы, но доказательств не хватило. Дело замяли, закрыли «за не установлением лица причастного к краже».

Меня это почему-то задело. Не потому, что орден был ценен, а потому, что для старой женщины он был единственной памятью о муже, а правосудие отвернулось от неё так же равнодушно, как от тех девушек с Тракта.

Через несколько часов я наткнулась на дело, которое заставило меня задуматься. «Дело № 47. Убийство Энн Мэллори». Горничная, восемнадцать лет. Найдена в канаве за городом. В деле было указано, что руки жертвы были связаны, а на теле — следы насилия. Но в описи повреждений значилось: «Следы от грубой пеньковой верёвки. Широкие борозды, неровные края, множественные осаднения». Это не походило на узкие борозды от шёлкового шнура, которые я видела у наших жертв. Но что-то в этом деле всё равно цепляло.

Подозреваемый — Эдвард Блэкфорд, промышленник, владелец бумажных и ткацких мануфактур. Вдовец, трое дочерей, достойный член общества. Неоднократно награждался разными знаками отличия за достижения в сфере производства товаров для армии и флота. Горничная работала у него в доме. В конце стояла пометка: «За недостаточностью улик дело прекращено». И размашистый подпись.

Я закрыла папку и задумалась. Последние — следы связывания. Энн Мэллори — следы от грубой верёвки.

Я просидела в архиве несколько часов. Светильник на столе потрескивал, тени на стенах дрожали. Наконец я собрала папки, которые хотела показать лорду Грейвзу, и поднялась наверх. В приёмной перед кабинетом было пусто. Я положила папки на свой стол, поправила выбившуюся прядь и вдруг услышала за спиной мужской голос.

— А вы, должно быть, та самая мисс Блэквуд, о которой уже судачат машинистки в канцелярии. Вы в курсе, что вам перемыли уже все косточки?

Я обернулась. В дверях приёмной, прислонившись плечом к косяку, стоял молодой человек лет двадцати семи-восьми. Русые волосы, открытое приятное лицо, ясные голубые глаза. Одет он был в форменный сюртук инспектора, на поясе — кобура с револьвером. Он улыбался той особенной улыбкой, которая предназначена для хорошеньких девушек и не сулит ничего серьёзного.

Я коротко кивнула.

— Элизабет Блэквуд. Секретарь лорда Грейвза.

— Инспектор Томас Рид, — представился он, оттолкнувшись от косяка и шагнув внутрь. — Сын бывшего суперинтенданта, если это имеет значение.

Он обвёл взглядом мой стол, папки, меня саму, и улыбка его стала шире.

— А новый шеф, я вижу, уже взялся за дело. В первый же день заставил милую барышню копаться в пыли. С вашей стороны конечно похвальное рвение, однако не дело так нагружать свою секретаршу. Позвольте дать совет: не стоит слишком погружаться. Все это не слишком приятно для девичьего взора. Красивой девушке не место среди трупов и протоколов.

Томас окинул взглядом мой стол, задержался на разложенных папках с делами. Его улыбка стала чуть шире, но на секунду на лицо набежала тень.

— Вы уже вовсю копаетесь в архивах, мисс Блэквуд? — спросил он с той лёгкой насмешкой, которая показывает дружелюбие. — Удивительно, как быстро вы освоились. Большинство секретарей тратят первую неделю на то, чтобы запомнить, где лежат бланки и как не упасть по дороге с кухни и не разлить кофе. А вы уже изучаете документы. Похвальное усердие. Только, знаете, такое времяпрепровождение не достойно такой милой мисс. Там вы не найдете ничего кроме пыли и грустных историй.

Я подняла на него взгляд. Он улыбался, но я почувствовала в его тоне странную нотку. Проверка?

— Я лишь выполняю поручения лорда Грейвза, — ответила я ровно.

— Лорда Грейвза, — протянул Томас, и в голосе его мелькнула едва заметная горечь. — Он у нас теперь главный. Получил пост, которого, честно говоря, не заслужил. Он же не расследовал ни одного дела, а пост ему достался лишь потому что родился с нужной кровью. Ну, почти нужной.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, мисс Блэквуд. — Он снова улыбнулся. — Возможно я пока не могу отойти от увольнения отца. Просто так сложилось, что в нашем городе не талант решает судьбу, а имя. У одних есть всё с рождения, другие вынуждены пробиваться сами. И иногда те, кто пробивается, не хотят делиться с теми, кому всё досталось даром.

Он перевёл взгляд на папку, которую я держала в руках.

— Будьте осторожны, мисс Блэквуд. Не принимайте все близко к сердцу. Все же вы слишком милая для этой работы.

Это был очень странный разговор. Я почувствовала, как внутри закипает раздражение. Слова о «милой девушке» прозвучали как оскорбление, Как обвинение в легкомыслии. Уж кем кем, а легкомысленной я никогда не была.

— Благодарю за заботу, инспектор Рид, — ответила я ровно, — но у меня есть обязанности, которые я намерена исполнять неукоснительно. В том числе разбирать пыльные папки и рыться в архивах.

Он усмехнулся, явно наслаждаясь моей реакцией.

— А вы с характером. Это даже интересно. Может, как-нибудь выпьем чаю? Я знаю одно чудесное местечко неподалёку, где подают отличные пирожные.

Я хотела ответить, но не успела. Дверь кабинета лорда Грейвза распахнулась, и на пороге возник он сам. Его взгляд метнулся от меня к Томасу и обратно, и на мгновение в холодных стальных глазах промелькнуло что-то, похожее на недовольство.

— Полагаю, инспектор Рид? — произнёс он ледяным тоном, — вы, кажется, принесли дело о вчерашнем убийстве. Я жду его уже четверть часа.

Томас мгновенно подобрался, но улыбку не стёр.

— Да, лорд Грейвз. Вот оно. — Он протянул папку, которую держал под мышкой. — Я как раз собирался передать его вам.

Аластер взял папку, не сводя глаз с Томаса.

— В следующий раз, будьте добры, не задерживаться на пустой болтовне. Если у вас не хватает дел, то я пересмотрю нагрузку. И не надо отвлекать мою секретаршу. Мисс Блэквуд — не ваша подопечная, и все её рабочее время принадлежит мне.

Томас поджал губы, но сдержался.

— Конечно, лорд. Прошу прощения.

Он бросил на меня короткий взгляд, в котором смешались досада и интерес, и вышел. В приёмной повисла тишина. Лорд Грейвз посмотрел на меня, и я впервые заметила, как напряжены его скулы. Он явно был недоволен. Повезло же заполучить в начальники тирана.

— Вы уже закончили с выборкой, мисс Блэквуд? — спросил он, не смягчая голоса.

— Ещё нет, милорд. Я нашла несколько похожих дел, но мне нужно больше времени.

Он кивнул, взглянул на часы на стене.

— Тогда не стоит отвлекаться на болтовню. У меня доклад во дворце. Вернусь поздно вечером. Пока меня не будет, продолжайте. И поменьше отвлекайтесь на болтовню, тогда у вас есть все шансы уходить домой до полуночи.

Я хотела возразить, но оценив недовольный вид начальника промолчала. Лорд Грейвз взял трость, надел пальто и вышел, оставив меня одну в тишине приёмной.

Я вернулась в архив. Солнце, если оно и существовало за окнами, уже не проникало в полуподвальное помещение. Я снова села за стол, зажгла ещё одну лампу и погрузилась в бумаги. Теперь я расширила поиск: не только убийства, но и изнасилования, нападения, ограбления. И снова находила дела, где всё было «шито белыми нитками». Где свидетели «не видели», а улики собраны кое как.

Часы пробили десять. В здании стало тихо. Только редкие шаги дежурных на первом этаже. Я сидела над делом вдовы, когда дверь архива отворилась.

— Мисс Блэквуд? — раздался тихий голос.

Я подняла голову. На пороге стоял капрал Финч. Тот самый юноша, что встретил меня утром с лицом цвета остывшей овсянки. Нас познакомили в канцелярии еще вчера, когда он принес очередное заявление от миссис Бэллы. Как мне рассказали, эта старушка писала минимум по две жалобы в неделю: на соседей, на извозчиков, на торговцев. Она была недовольна решительно всем и во всех видела преступников. С этим всем непременно и немедленно должна была разобраться полиция.

Сейчас Финч выглядел усталым, но в глазах его уже не было той тоски, что утром.

— Вы всё ещё здесь? Уже ночь на дворе, — сказал он, входя.

— Работа, констебль. Лорд Грейвз дал поручение, и я хочу успеть до его возвращения. Финч подошёл к столу, взглянул на разложенные папки, присвистнул.

— Да тут целое кладбище. И что вы ищете?

Я на мгновение заколебалась, но потом решила, что он ведь полицейский и мы делаем одно дело. Он был со мной добр и вчера рассказал много интересного про службу, про организацию работы в управлении и немного про работников.

— Мне поручили сделать выборку преступлений по характеру убийства, Полу и возрасту жертвы и по другим показателям — ответила я.

— Удивительно, вы так спокойно об этом говорите. Я уже почти год работаю в управлении, но все еще не привык к убийствам. Вчера я был на выезде и мне, стыдно признаться, стало плохо. Меня мутило почти два дня. Вот только сегодня к вечеру отпустило немного, — он как-будто мутился. Даже кончики ушей немного порозовели.

— Возможно потому, что я воспринимаю все сквозь призму документов. Я же не вижу самих жертв. Мне легче. И раз уж вы здесь, я хотела бы посоветоваться. Я наткнулась на одно дело... Не убийство, но от него тоже веет несправедливостью. Ограбление вдовы ветерана. У неё украли орден мужа, а полиция даже не почесалась.

Финч нахмурился.

— Орден? Именной?

— Да. Золотой, с камнями, с гравировкой. Инспектор подозревал племянника, но не довёл дело до конца.

Финч присел на край стола, задумался.

— Мне кажется я помню это дело. Мне тоже было жалко вдову, но я всего лишь младший констебль. А хотите, я схожу к этой вдове ещё раз? — предложил он вдруг. — Расспрошу её, может, всплывёт что-то новое. У меня завтра день, свободный от дежурства. В обед.

Я удивлённо посмотрела на него.

— А можно с вами? — вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать.

Он улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка оживила его вполне тривиальную внешность и сделала парня даже симпатичным.

— Конечно. Вдвоём веселее.

Мы договорились встретиться завтра в полдень у входа в управление. Финч, заметив, что я собираюсь идти домой, вызвался проводить. Я не стала отказываться. На улице было холодно, туман сгустился до такой степени, что фонари едва пробивались сквозь молочную пелену. А после изучения всех этих дел идти одной было откровенно страшно.

Мы вышли через главный вход. Финч шагал рядом, рассказывал какую-то нелепую историю о том, как однажды заблудился в тумане и оказался у дверей борделя, а я смеялась, впервые за день чувствуя, как отпускает напряжение. Улица была пуста, лишь ветер гулял между домами.

Мы не заметили, как у ворот остановился экипаж. Из него вышел лорд Грейвз. Он стоял в тени, и я не видела его лица, но почувствовала на себе взгляд. Тяжёлый, как промозглый туман. Лорд смотрел вопросительно. Финч, заметив его, вытянулся по стойке смирно.

— Младший капрал Мартин Финч, сдал дежурство — щелкнул каблуками и одновременно поклонился .

— Капрал, — коротко бросил Аластер, даже не взглянув на меня, — проводите мисс Блэквуд до дома. И смотрите, чтобы с ней ничего не случилось. В городе небезопасно.

С этими словами он прошёл внутрь, не дожидаясь ответа. Мы с Финчем переглянулись.

— Он какой-то... странный, — пробормотал Финч.

Я промолчала. Внутри меня боролись противоречивые чувства: раздражение от его надменности и непонятное тепло от того, что он всё-таки побеспокоился о моей безопасности. Но все пустое, он лорд и должен быть надменным. Это же главная отличительная особенность всех лордов. Я улыбнулась.

Мы пошли дальше. Ночной Вейлмар дышал паром, смогом и шептал свои тёмные тайны.

Глава 3. В которой я сомневаюсь в намерениях лорда Грейвза

Утро началось с того, что я пришла в управление раньше всех, даже раньше дежурного констебля, который отпирал двери с видом человека, так и не простившего городу его существование. В приёмной было промозгло, как в склепе. Я разложила на своём столе папки, расправила заметки и принялась переписывать начисто сводку преступлений за сутки. К сожалению в этом городе совершались не только убийства, но и более мелкие преступления. Кто-то подрался, кого-то ограбили, а баронессу Клайв обманул очередной жигало. Укатил на ее паромобиле в неизвестном направлении. Венец технической мысли стоил как особняк в Верхнем ярусе.

Чернила ложились ровно, буквы выстраивались в строгие колонны, и на какое-то время я снова почувствовала себя отличницей, у которой всё под контролем.

Ровно до той минуты, пока дверь не скрипнула и на пороге не возник инспектор Томас Рид.

— Доброе утро, мисс Блэквуд, — произнёс он, растягивая слова, как карамель. — Смотрю вы ранняя пташка. Но спешу заметить, что сегодня вы особенно свежи, словно роза в этом затхлом месте.

Я оторвала взгляд от бумаг и коротко кивнула.

— Доброе утро, инспектор. Лорда суперинтенданта еще нет.

Он прошёл вглубь, остановился у моего стола и, опершись ладонью о столешницу, наклонился чуть ниже, чем следовало бы.

— По этому я здесь. Я вчера говорил о чае. Вы так и не ответили. Может, сегодня? В «Золотом чайнике» подают такие эклеры, что даже покойник бы улыбнулся.

— Боюсь, мои обязанности не позволяют мне отвлекаться на покойников, инспектор. Это ваша работа, — ответила я, не поднимая головы. — И на эклеры тоже.

Он усмехнулся, но не отступил. Вместо этого положил на угол моего стола маленькую шоколадку в серебряной обёртке.

— Это вам. Чтобы день не был таким горьким. И всё-таки подумайте о чае. Девушке нужен повод улыбнуться. Особенно такой хорошенькой.

Он вышел, насвистывая, а я ещё долго смотрела на шоколадку так, будто это было дегтярное мыло. Потом сунула её в ящик стола, подальше от глаз, и вернулась к работе.

Через четверть часа в приёмную ворвался лорд Грейвз. Я узнала его шаги ещё до того, как дверь распахнулась. Он прошёл мимо, не взглянув, но воздух за его спиной остался холодным. Пальто было мокрым от тумана, волосы прилипли ко лбу, под глазами залегли тёмные тени, словно он не спал вовсе.

— Сделайте кофе, — кинул он уже из кабинета.

Принеся кофе я снова занялась делами, но уже через пару минут из кабинета снова раздался голос лорда.

— Мисс Блэквуд, зайдите. Я вчера изучил дела, которые вы оставили на столе.

Я выпрямилась.

— И что скажете, сэр?

Он повернулся. В его глазах было то выражение, которое я уже начала узнавать: недовольство, смешанное с усталостью.

— Вы обратили внимание на следы связывания и характер повреждений, — начал он, — но пропустили очевидное. То, что лежит на поверхности.

Я почувствовала, как краска приливает к щекам.

— И что же я пропустила, лорд Грейвз?

Он подошёл к своему столу, взял одну из папок и раскрыл её.

— Все три жертвы найдены возле Тракта Императрицы. Все убиты с относительно небольшим промежутком. И все — девушки приблизительно одного возраста, из простых семей. О чём это говорит?

Я сглотнула.

— Что убийца охотится вдоль дороги? — предположила я осторожно.

— Нет, — отрезал он. — Что убийца, возможно, приезжий. Он не живёт в Вейлмаре. Он появляется здесь с определённой целью, возможно по коммерческим или семейным делам и в это время, имея алиби, наносит удар и уезжает.

Я молчала, чувствуя, как внутри разгорается стыд. Приезжий. Это было так просто, так логично. А я, увлечшись мелочами, не увидела главного.

— Вы, кажется, расстроились, — заметил лорд, и в его голосе мне послышалась лёгкая насмешка. — Не стоит. Вы смотрите в документы, но не видите всю картину. Но смотреть шире моя работа, а не ваша.

Я подняла на него глаза.

— Я учту это, сэр.

— Хорошо. — Он захлопнул папку и положил её на место. — Продолжайте работать. И принесите мне еще кофе.

Я вышла в приемную, чувствуя как горит лицо. Но стыд медленно сменялся чем-то другим. Сомнением.

Но сейчас для этого не время и я пошла варить кофе. Но мысли мои всё равно вертелись вокруг одного и того же: вокруг Тракта, вокруг трёх жертв.

Но сомнения сомнениями, а моя работа состояла в первую очередь в исполнении распоряжений начальника и ему стоило услышать о результатах моей работы в архиве, по этому приготовив кофе, я вновь направилась в кабинет лорда.

— Лорд Грейвз, я подготовила сводку по происшествиям за последние сутки готова изложить предварительные результаты работы в архиве, — сказала я, стараясь выглядеть по деловому.

— Чудно, мисс. Докладывайте.

Я изложила все мелкие происшествия и перешла к убийствам. Описала всё, что нашла: старые дела, где фигурировали похожие следы; пометку «Не оглашать»; небрежность, с которой велись расследования; пропавшие вещественные доказательства. Он слушал, не перебивая, но когда я закончила, лишь кивнул.

— Хорошо. Продолжайте анализ и жду от вас подробную подборку по убийствам. Прошу сделать эту работу как можно быстрее. Мне нужен результат. И не терпите языком, бога ради. Поняли?

— Да, милорд.

Я вышла, чувствуя, как меня потряхивает. Значит ли это, что он все же отнесся ко мне как к профессионалу, а не только девочке на побегушках. Надеюсь. Мне отчего-то хотелось его одобрения.

В полдень у входа меня ждал младший капрал Финч. Он переминался с ноги на ногу, держа в руках плетёную корзинку.

— Вы не успеете пообедать. По этому вот. Матушка передала, — смущённо пояснил он, когда я взглянула на корзинку. — Говорит, раз я иду к вдове, то обязательно стоит идти с гостинцем. С пустыми руками будет неуважительно. Заодно и сами перекусим.

— Мартин, мы же почти одного возраста и оба недолго в управлении. Предлагаю перейти на ты, если не имеете ничего против.

— Не имею, — улыбнулся Финч.

Мы двинулись к Восточному мосту. Путь лежал через узкие улочки, где дома стояли так близко друг к другу, что, казалось, они перешёптывались. Пахло углём, кислой капустой и мокрым камнем. Финч шагал рядом, иногда поддерживая меня за локоть на скользких участках, и рассказывал, как ночью допрашивал свидетелей по делу Эмили Харт.

— Все как один твердят, что ничего не видели, — говорил он, глядя прямо перед собой. — Но я чувствую, что кто-то врёт. У тракта ведь всегда полно народу. Даже ночью. Только все боятся.

— Чего боятся?

— Не пойму. Может того, что кто-то из них может быть следующим. Или того, что вскроются их темные делишки. Не знаю. Но то, что они боятся — это чувствуется.

— Я вчера по твоему примеру еще раз пересмотрел допросы свидетелей по делу Маргарет Эшворд и Розалинды Кросс и заметил, что в своих показаниях соседка утверждала, что у Маргарет было кольцо — заговорил он снова, глядя прямо перед собой. — Не знаю, важно ли это, но его в описи вещей нет. Соседка сказала сто где-то за месяц до убийства Маргарет с ней поделилась радостью, муж подарил кольцо с нефритом. С самой свадьбы ничего не дарил, в обносках ходила, а тут кольцо. Не булыжник, а настоящий нефрит с тонкой китайской резьбой. Дорогое. Я подумал с чего вдруг? Проверил описи и ничего. Кольца нет.

— Ты уверен? Может забыли упомянуть. Я успела заместить что в архиве бардак.

— Я уточнил у судебного врача который осматривал тело, он утверждает, что никакого кольца не было.

— Это может быть важно, — произнесла я.

— Я вчера наведалься еще раз к этой соседке и записал подробное описание кольца с её слов, она его хорошо рассмотрела, — кивнул Финч. — На всякий случай.

— Лорд Грейвз тебя предупреждал молчать о расследовании?

Мартин замаялся и его уши снова порозовели.

— Лорду Грейвзу ничего не известно о моих действиях. Я сам решил. А дела я посмотрел когда он вчера ушел.

— Пробрался в кабинет суперинтенданта? — ужаснулась я.

— Вроде того. Только ты ему не рассказывай! Просто я увидел как ты увлечена этим делом и решил тоже не сидеть сложа руки. Я все же полицейский.

— А почему лорду суперинтенданта не доложил?

— Он такой строгий, я решил что он не позволит мне вмешиваться в это дело. Все же у меня очень мало опыта и я всего лишь младший констебль. Я лучше тебе все расскажу, а ты доложишь. Ты ему вроде понравилась.

— Что это ты имеешь в виду? — возмутилась я.

— Ничего такого. Он просто не смотрит на тебя, как на досадное недоразумение.

— Ну ладно. Одна голова — хорошо, а две — лучше.

Миссис Гвендолин Прайс жила в маленькой квартирке на первом этаже старого дома, скособочившегося, как человек, перенёсший удар. Внутри пахло лавандой и воском. Старушка оказалась крошечной, сгорбленной, но с удивительно ясными, почти молодыми глазами. Она усадила нас за стол, накрыла кружевной скатертью, налила чаю и, прежде чем заговорить о краже, долго показывала фотокарточку мужа — молодого человека с густыми усами, повязкой на глазу, в мундире и орденом на груди.

— Он получил его из рук самого императора, — говорила она, и голос её дрожал от гордости и горя. — За битву при Каррагане. Там погибло столько мальчиков... А мой Генри вернулся. Весь в шрамах, но вернулся и с ним вернулось его звено. Полностью. Много раненых, но ни одного погибшего. Моему Генри перебило сухожилие, и выбило глаз, но он остался жив и вернулся ко мне. Прожил со мной тридцать пять лет. И вот теперь у меня остался только этот орден. А его украли. Прямо из шкатулки, где лежали мои свадебные серьги и его письма.

— Вы подозреваете кого-то? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал мягко.

Вдова помолчала, потом поджала губы.

— Племянник мой, Артур. Он картёжник и бездельник. Приходил накануне, просил денег. Я отказала. Сказал, что я его «последняя надежда». А потом... — Она махнула рукой. — Полиция его допрашивала, но отпустила. Сказали, нет улик. А какие улики нужны, если он единственный, кто знал, где лежит шкатулка? Я отказала ему от дома, но теперь слишком поздно.

Я переглянулась с Финчем. В деле действительно всё сходилось на племяннике, но в детективных романах так обычно не бывает. Слишком просто. Должно быть что-то еще. Я попросила вдову описать ещё раз, не заходил ли к ней кто-нибудь чужой в последние недели перед кражей.

Она задумалась, пожевала губу.

— Был один господин. Высокий, хорошо одетый, в перчатках. Приходил за неделю до кражи. Назвался коллекционером. Спрашивал, нет ли чего ценного на продажу. Намекал на орден. Предлагал огромные деньги — столько, что я бы могла жить безбедно до конца дней. Это странно, ведь орден столько не стоит, хоть и сделан из золота, ведь камни в нем не слишком дорогие. Я ему отказала. Это память. Он настаивал, но я твёрдо стояла на своём. Чтобы уговорить выпрашивал про мою семью, про родных. Тогда он ушёл, вежливый такой, но взгляд у него был... злой. Хотя улыбался.

— Может, запомнили что-нибудь ещё? — спросила я, вынимая блокнот.

Старушка прикрыла глаза, вспоминая.

— От него пахло табаком. Дорогим. Не такой, как был у моего Генри, а сладковатый, с травами. И на левой руке у него был шрам. Вот здесь. — Она провела по тыльной стороне ладони, от большого пальца к запястью. — И перстень с зелёным камнем. Крупный такой. Изумруд, наверное, или берилл. Он им всё время постукивал по трости.

Я записала каждое слово, чувствуя, как внутри разгорается холодный азарт. Коллекционер. Шрам. Перстень. Это уже зацепка.

Когда мы вышли от вдовы, обед уже заканчивался. Пирожки были вкусными, но хотелось чего-то мясного. Зашли в небольшую едальню на углу. Финч заказал две порции рагу с печеными овощами и курицей и мы устроились у окна.

— Я все думаю о том, что ты сказал про кольцо, а ведь не только у Маргарет пропали вещи. Сегодня утром я обнаружила, что у Розалинды Кросс — пропали золотые серёжки с изумрудом, а у Эмили Харт, как сказала её мать, был маленький кулон с ликом святой, и маленьким сапфиром который она никогда не снимала. И его тоже не нашли. Я не связала это вместе, ведь документы оформлены слишком небрежно, но после того, как ты рассказал про кольцо задумалась. Ведь это странно. У Розалинды, например, был еще кошель с небольшой суммой денег, а Маргарет шла покупать молоко сыну так что и у нее, были деньги. Но их никто не забрал. Из документов следует, что их отдали родственникам сразу как те обнаружили.

— На кражу не похоже. Кроме того украшения не слишком дорогие, но дороже того, что могли себе позволить эти девушки.

— А может так быть, что убийца забирает что-то на память. Я о таком читала... в книгах, — я немного смутилась, но не стала говорить о том, что эти книги были детективами — И если это так, то это не просто убийства.

Финч отодвинул печенье, аппетит у него пропал.

— Помните, я говорил, что расспросил старых констеблей? — сказал он, понизив голос. — Так вот, несколько лет назад у нас уже было похожее дело. Девушка, лет восемнадцать, горничная. Её нашли в канаве, руки связаны, тело со следами мучений. В деле тогда вроде упоминали какого-то господина одетого просто, но явно не из бедных. Но отпустили. Не хватило улик.

У меня внутри всё сжалось.

— Ты помнишь, кто был подозреваемым.

— Нет. Но констебль Хейворт говорил, что это был какой-то промышленник. Богатый. Вдовец. У него было поместье за городом.

Я схватила пальто.

— Мне нужно вернуться в архив.

Уже темнело, когда я спустилась в подвальный этаж. Мистер Пратчетт уже ушёл, оставив на столе лампу с низким пламенем. Архив вновь встретил меня запахом пыли и тишиной, но я не чувствовала страха — только лихорадочное желание найти то самое дело.

Я перебирала папки, выдвигала ящики, водила пальцем по корешкам. Наконец нашла: «Дело № 47. Убийство Энн Мэллори». Горничная, восемнадцать лет. Найдена в канаве за городом, там где Тракт Императрицы сужается стесненный городскими воротами. В деле было указано, что руки жертвы были связаны, следов, но следов насилия не обнаружено. Странно. Все сходится, но в протоколе осмотра тела нет ни слова про следы насилия. По этому я это дело и не включила в подборку. Подозреваемый — Эдвард Блэкфорд, промышленник, владелец бумажных мануфактур. Вдовец, трое дочерей. Очень уважаемый человек, семьянин и меценат. На момент преступления проживал в поместье вместе с дочерьми. Горничная работала у него в доме.

Я листала протоколы, и внутри меня нарастало возмущение. Допросы были пустыми, формальными. Дочери дали краткие показания — мол, ничего не видели, ничего не знают. Младшей дочери на тот момент не было и тринадцати, и её вообще не допрашивали. Соседи не опрошены. Слуги не вызваны. А в конце — пометка: «За недостаточностью улик дело прекращено».

Я пододвинула лампу и еще раз осмотрела листы дела. Оно было оформлено в архив и по этому было подшито в картонную обложку и пронумеровано. Дело пролежало в архиве достаточно долго и листы немного пожелтели. Я еще раз все пролистала не вчитываясь в текст и увидела, что один лист чуть светлее, чем остальные. Как я раньше этого не заметила? Это был протокол осмотра тела. Меня прошиб мороз. Неужели? Я стала вглядываться. Ощупала сливку и поняла. Это дело перешивали. Лист с протоколом совершенно точно вшит позднее: он другого цвета, в месте сшивки дырочки от шила пробиты чуть иначе, видимо тот кто это делал не слишком хорошо знаком с делопроизводством, обложка немного косит, хотя в других делах я такого не увидела и номер страницы написан другим почерком, хотя и похожим и другим карандашом. А еще внутри папки я обнаружила бумажный конверт, он тоже был вшит не аккуратно. Конверт был пуст, но ведь для чего-то же его вшили и пронумеровали. Я перечитала опись доказательств и увидела в самом конце упоминание о красном шелковом шнуре и приписку «приобщен к делу». Как это не заметили? Или просто не придали значение?

Я не знала, сколько просидела так, уставившись в одну точку. Свет лампы дрожал, тени на стенах качались. Вывод напрашивался сам собой: убийца до сих пор на свободе и до сих пор убивает девушек.

— Мисс Блэквуд.

Я вздрогнула и обернулась. В дверях стоял лорд Грейвз. Без пальто, его темный сюртук расстегнут, а шейный платок снят, в руках трость. Лицо его в полумраке казалось высеченным из мрамора. Я смотрела на трость и не могла отвести от нее взгляд. Сколько людей ходят с тростями? Кажется эта мода уже ушла. Или нет. Я не сильна в аристократических модных веяниях.

— Вы почему до сих пор здесь? Уже ночь.

— Я кажется нашла кое-что важное, — ответила, не отводя взгляда. — Старое дело. Убийство горничной. Подозреваемый — промышленник Эдвард Блэкфорд. И в деле... обрывок шелкового шнура. Такой же, как на следах у мисс Эшфорд.

— Почему именно это дело? – процедил лорд суперинтендант. — Я так понимаю его не было в подборке, что вы мне принесли утром?

— Я узнала об этом деле от младшего констебля Финча, — сказала я, пытаюсь унять дрожь в голосе, но выходило плохо. — Он расспросил старых констеблей. Всплыло это дело, только фамилии они не помнили. Тогда его отпустили за недостатком улик, но в этом деле упоминается шелковый шнур, только в конверте его нет и дело перешивали. Вшили новый лист с осмотром тела. Это точно. Он отличается и следы перешивки очевидны. Я хотела проверить и вот...

Про догадку об украшениях я даже не упомянула. Просто забыла про это.

Во время моей речи лорд не проронил ни слова, а я уткнулась в пол мне было стыдно, что я сразу не заметила несостыковки. Я же делопроизводитель.

Когда я закончила свою речь, лорд молчал и молчание затягивалось, я решилась поднять свой взгляд и чуть не отшатнулась. У лорда Грейвза ходили желваки. Он смотрел на меня так, будто я преступница, а он решает, задушить меня сразу или сначала пытаться.

— Мисс Блэквуд, — произнёс он, и каждое слово падало, как кусок льда в колодец, — что вам стало непонятно в моем распоряжении не трепать языком? Расследование — не ваша обязанность. Вы переписываете бумажки и готовите кофе. И не лезете не в своё дело. Я вас просил только лишь сделать подборку дел по критериям, вы и с этим не справились, да и еще растрепали всю информацию тут же.

— Но младший констебль Финч ведь полицейский. Мы делаем одно дело, — прошептала я.

— Точно? А не вы ли мне только что рассказали, что дело перешивали и подменили протокол. Как вы думаете кто это мог сделать? Человек просто вошел в полицейское управление, спустился в архив взял и перешил дело? Мисс, — презрительно сказал он. — У вас прекрасно получается строить глазки всяким инспекторам и констеблям — вот этим и занимайтесь, если ваше единственное стремление — выскочить замуж или найти покровителя. Но не лезьте туда где ничего не смыслите.

Я вспыхнула. Кровь бросилась в лицо, а ладони сжались в кулаки так, что ногти впились в кожу. Какая же я дура. Действительно ведь подменить протокол мог только полицейский, кто-то кто приходит сюда каждый день. Да лорд прав, но намекать мне на мое бесчестное поведение? Да я допустила ошибку, но я ни с кем не кокетничала. Даже в мыслях такого не было. И это злило. И вообще какое он имеет право мне на такое указывать. Он мне не отец и не муж.

— Изучать дела, поручили мне вы, лорд Грейвз. И мне жаль, что я допустила ошибку, обсуждая с констеблем Финчем ваше поручение. Но он никак не мог совершить подлог. Он работает меньше года, а дело окончено более двух лет назад и вшитый лист лишь немного светлее остальных, по этому его тоже скорее всего вшили больше года назад. Я виновата и прошу прощения. Обещаю впредь быть более аккуратной. Но вот то кому я строю глазки, — это не ваше дело, — выпалила я, шагнув к нему. — У меня нет цели, как вы говорите, найти покровителя. В отличие от вас и ваших полицейских мне не безразлична судьба этих девушек! Они погибли страшно. Совсем молодыми. Они были чуть старше моей сестры и я хочу чтобы их убийцу нашли.

Я замолчала, переводя дыхание. В висках стучало. Лорд стоял напротив, и лицо его было уже не холодным — оно было опасным. Тишина между нами звенела, как натянутая струна.

Он подошёл ближе. Я сделала шаг назад. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на тень и он вдруг схватил меня за плечи и прижал к стеллажу. Я ахнула, но не от страха — от неожиданности. Его руки были как стальные обручи.

— Вы понятия не имеете о чем говорите. Вы маленькая, глупая идеалистка. Мир гораздо страшнее и сложнее, чем то, что вы прочитали в своих книжках. Вы не понимаете, с кем мы

возможно имеем дело, — прошептал он, и в голосе его было столько сдерживаемой ярости, что у меня мурашки пошли по коже.

— Так объясните, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза.

Он смотрел на меня мучительно долго. Я видела, как на его скулах ходят желваки, как вздрагивают ресницы. Затем пальцы его разжались, и он отступил.

— Вы забываетесь, мисс Блэквуд, я не обязан вам ничего объяснять, — произнёс он глухо. — Но вы должны пообещать мне, что больше ни с кем не будете обсуждать мои поручения. И желательно не ходить одной по вечерам. Никуда.

— Я обещаю быть осторожной. Это все что я могу, обещаю я иное это было бы ложью.

Он смотрел на меня ещё секунду, затем резко развернулся и вышел, бросив через плечо:

— Еще один проступок и я вас уволю.

Я осталась стоять, прижавшись спиной к холодному стеллажу, чувствуя, как колотится сердце. Внутри всё кипело: страх, злость и то самое предательское тепло, которое появилось, когда он оказался слишком близко.

Стоп. Какое тепло? Да он молод и безусловно красив, но он начальник и лорд, а я всего лишь мисс Блэквуд – секретарша. И несколько мгновений назад он грозился меня уволить. Да, я действительно забылась.

И тут я вспомнила утренний разговор. Место убийств Тракт Импераирицы — повторила я про себя, глядя на выход из архива.

Все жертвы возле Тракта. Все убиты с небольшим промежутком. Это действительно бросалось в глаза, и я должна была заметить это. Но не заметила. А он — заметил. Конечно, он опытнее. Конечно, он смотрит на дело под другим углом. Теперь я узнаю, что аналогичные преступления были и раньше. И почему он настолько хочет держать все в тайне. Да возможно в управлении есть шпион, но невозможно работать в одиночку даже если ты начальник и суперинтендант. Насколько ли я виновата насколько он разозлился. И только ли это из-за того, что я обсудила его поручение с Финчем? У меня возникло неприятное чувство, будто он нарочно уводит моё внимание от чего-то.

Я замерла. Эта мысль была нелепой. Опасной. Лорд Грейвз — суперинтендант, он возглавляет расследование, он заинтересован в поимке убийцы больше, чем кто-либо. Но я вспомнила его трость с набалдашником. Вспомнила дорогие кольца. И почувствовала, как внутри что-то холодно сжимается.

«Глупость, — сказала я себе, встряхнув головой. — Ты слишком много читаешь книжек и начинаешь придумывать на ровном месте.

Домой я шла быстро, почти бежала. Улицы были пусты, туман сгустился до того, что фонари превратились в жёлтые пятна. Я уже подходила к своему дому, когда краем глаза заметила позади фигуру. Тёмный плащ, капюшон. Фигура двигалась бесшумно, но не отставала.

Я ускорила шаг. Позади ускорились тоже. Я свернула в переулок, затем в другой, бежала, не чувствуя ног, пока не влетела в свою дверь. Замок щёлкнул, и я привалилась к нему спиной, задыхаясь. В окно я выглянула через несколько минут. На улице никого не было. Но под фонарём, у самого столба, мне почудилось, что тень сгустилась сильнее, чем следовало. Будем надеяться, что мне показалось.

В доме пахло сушёными травами, воском и чем-то родным — тем запахом, который не выветривается из жилища, где живут женщины. Мама, как всегда, оставила для меня чашку на столе, прикрытую блюдцем, и кусок ячменной лепёшки с кусочком сыра. В печи ещё теплились угли, и от них по крошечной кухне разливалось мягкое, успокаивающее тепло.

Я присела к столу, не раздеваясь, и сжала чашку ладонями. Пальцы всё ещё дрожали.

Наверху тихо поскрипывали половицы: мама не спала, ждала меня. Я слышала, как она села на кровать, как вздохнула, — она всегда вздыхала, когда волновалась, даже если пыталась это скрыть. Нас в доме было трое: мама, я и Руфь, моя младшая сестра, которая сейчас спала в

угловой комнатке, свернувшись калачиком под старым одеялом. Ей было четырнадцать, и она всё ещё верила, что в один прекрасный день мы переедем в дом с садом, где растут настоящие розы, а не те чахлые кустики, что мы пытались вырастить в горшках на подоконнике. А в доме непременно будет огромная библиотека и она сможет целыми днями читать.

Я отщипнула кусочек лепёшки и принялась жевать, глядя на огонь. Мысли мои были далеко — там, в пыльном архиве, среди папок, от которых пахло смертью. Перед глазами стояло лицо лорда Грейвза и мне почему-то не было страшно. Я почувствовала себя песчинкой которую несет неукротимый поток и от которой ничего не зависит. Я зажмурилась. В этой тихой кухне, где всё было знакомым до последней трещинки в стене, я наконец позволила себе на минуту вспомнить, кем я была всего несколько дней назад.

Я была дочерью вдовы, которая шила по ночам, чтобы оплатить мою учёбу. Я была старшей сестрой, которая обещала Руфи, что когда-нибудь у неё будет новое платье. Я была отличницей, которая сидела по вечерам над учебниками, потому что боялась не успеть, не вытянуть, не оправдать. И ещё я была той, кто мечтал.

Мечты у меня были простые и одновременно дерзкие до смешного. Я хотела поступить в Императорскую академию. В ту самую, куда брали детей аристократов и богатых купцов, где преподаватели носили мантии с серебряной каймой и говорили о справедливости так, будто она действительно существовала. Я копила на вступительный взнос уже два года — откладывала каждый грош, вязала на продажу, брала переписку у соседей, отказывала себе в новых чулках и лентах. Сумма всё ещё была смехотворной, но для меня она значила больше, чем золотые прииски. Мне в целом было все равно на какой факультет поступать. Главное что после окончания я бы смогла найти более или менее достойную работу.

Мама, когда я говорила ей об академии, только вздыхала и качала головой.

— Элиза, — говорила она, — туда не берут таких, как мы. Даже если у тебя будут деньги. Им не нужно, чтобы девочка из Нижнего яруса находилась рядом с ними.

— Значит, я буду первой, — отвечала я тогда с той наивной уверенностью, которая бывает только у тех, кто ещё не обжёгся о равнодушие мира.

Я хорошо училась. Я стала лучшей и получила хорошую работу. А теперь это все под угрозой. А если лорд надутый индюк меня и правда уволит? Мне нужна эта работа и зарплата очень нужна. Но девушки умерли, а убийцу гуляет на свободе. Завтра это могу быть я или Руфь. Что же мне делать?

Руфь заворочалась во сне и что-то пробормотала. Я поднялась, прошла а ее комнатку и поправила сползшее одеяло. Она была такой безмятежной, что у меня защемило сердце. Я не могла позволить, чтобы то, что случилось с теми девушками, коснулось её. Но могла ли я что-то сделать. Да, могла. Просто хорошо выполнять свою работу и быть внимательнее.

Вернувшись на кухню, я достала из-под половицы у печи жестяную коробочку, в которой хранила деньги. Пересчитала. Прибавила к ним немного — из тех, что мне выдали в первый день в качестве аванса Сумма всё ещё была небольшой. Но у меня есть еще время.

Дни пролетали как один миг. Ничто не ускоряет так бег времени, как рутина. Наутро после разговора с лордом не произошло ничего необычного. Он снова велел подать ему кофе и уткнулся в бумаги. Папки с делами заняли все вокруг. Иногда он вызывал констеблей и инспекторов, давал им поручения и снова погружался в бумаги. Мы почти не разговаривали. Я каждый день готовила сводку о происшествиях за сутки. Следила за его расписанием, в котором оказалось множество встреч с разными чиновниками. От почтового департамента до тайной канцелярии.

Однажды в приемной появился лорд с абсолютно белыми волосами. Он был молод, наверное чуть старше моего начальника, статен и наверно красив, но если я до этого думала, что лорд Грейвз страшен в гневе, то в этот момент я изменила свое мнение. Посетитель вызывал ужас, хотя не произнес ни слова. Взглянул на меня, прищипив взглядом к стулу словно

бабочку наколол на иглу. Я даже не успела ничего сказать. Спустя час они вышли вместе с моим начальником. Он надел пальто и сказав, что пару дней его не будет покинул управление вместе с гостем. Больше я этого странного посетителя не видела.

Так прошла неделя, потом и еще одна, а потом еще. Мелкие дела раскрывались, преступников ждал суд. В управлении стало больше порядка. Даже констебли по утрам были бодрее. Убийства мы больше не обсуждали. Я увязла в этой рутине и все больше нервничала. Мне стало казаться, что мы упускаем время и это приведет к страшным последствиям. Ночами я плохо спала и просыпалась разбитой.

Очередным утром меня разбудил запах подгоревшей каши и голос Руфи, которая напевала какую-то глупую песенку. Я поднялась с тяжёлой головой, чувствуя, что за ночь так и не отдохнула. Но когда я вышла на улицу, туман уже не казался мне таким страшным. Он был просто туманом — сырым, холодным, равнодушным. А вот то, что ждало меня в управлении, страхом было вполне реальным.

Я пришла в управление с твёрдым намерением поговорить наконец с лордом Гревзом, это бездействие было невыносимо. Но в дверях меня встретил Финч. Он был бледен, как простыня.

— Элизабет... — начал он, и голос его сорвался. — Ночью нашли ещё одно тело. Девушку.

У меня похолодели руки.

— Кто?

— Агнес Торн. Девятнадцать лет. Продавала цветы на углу Травной и Рыночной. Нашли у придорожного трактира, недалеко от того места, где была найдена Розалинда.

— Украшения? — спросила я, уже зная ответ.

— Золотой крестик с маленьким турмалином. Был на цепочке. Мать говорит, никогда его не снимала.

— Что-то еще?

Финч сглотнул.

— Нашли оброненный шёлковый шнур.

Я стояла и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Убийца больше не осторожничал.

Глава 4. В которой наступает затишье и произносятся важные слова

Со смертью Агнес Торн ничего не изменилось. Просто на одну папку в кабинете лорда Грейвза стало больше. А потом и вовсе все дела вернулись в архив. Я попыталась поговорить с ним, но не в день обнаружения тела ни на следующий день нам поговорить не удалось. А время утекало сквозь пальцы. Я поняла, что возможно пришло время самой действовать. С момента последнего убийства прошло еще пару недель. Я поняла что работаю в управлении без малого уже три месяца. Три месяца с тех пор, как я впервые переступила порог управления сыска. Три месяца, за которые я привыкла к этому угрюмому зданию, к скрипу половиц на лестнице и к тому, что по утрам дежурный констебль здоровается со мной и уже не смотрит так угрюмо. Я больше не чувствовала себя случайной гостьей — но и своей здесь пока не стала.

Вечерами, когда управление пустело, я стала задерживаться в архиве. Мистер Пратчетт уже не косился на меня с подозрением, а только качал головой, видя, как я уношу очередную стопку дел к своему столу. Он стал угощать меня чаем с печеньем и как-то раз рассказал, что пишет роман. Он с гордостью рассказывал, что написал книгу о новом фантастическом мире, в нем живут ведьмы и волшебники и даже Смерть является главным героем. Земля представляет из себя плоский диск, который стоит на трех слонах, которые в свою очередь стоят на черепахе, а черепаха бесконечно плывет сквозь пространство вселенной. А еще он написал несколько рассказов про городскую стражу, видимо работой вдохновился. Это было забавно и я пожелала ему удачи.

В один из вечеров я в очередной раз перебирала бумаги, выписывала имена, даты, адреса. Поначалу это была просто техническая работа. Днем я старалась выполнять поручения лорда Грейвза как можно быстрее и точнее, а по вечерам спускалась в архив и работала с делами. С каждым днём я всё глубже погружалась в эту историю, и она переставала быть просто набором фактов. Я всё еще сидела над старой папкой с делом о пропавшей горничной, когда в архиве скрипнула дверь. Я подняла голову — на пороге стоял лорд Грейвз. Без сюртука, в одной жилетке, с усталым лицом человека, который только что закончил разбирать гору отчётов.

— Вы снова здесь, мисс Блэквуд? — спросил он, но в голосе его не было укора — только усталое удивление.

— Засиделась, — ответила я, аккуратно закрывая папку. — Хотела закончить сводку.

Он подошёл ближе, взглянул на мои записи. На корочки дел. В свете лампы его лицо казалось мягче, чем днём, когда он был собран и недоступен.

— Кажется я вам говорил о том, чтобы вы в это не лезли?

— Да, милорд, — я опустила голову.

— И вы опять проигнорировали мое распоряжение?

— Нет, милорд. То есть да, но это не совсем так.

Лорд усмехнулся, но в нем не было злости.

— Так да, нет или не совсем?

Ну вот же наконец наступил момент когда я могла поговорить с лордом, а сама мямлю. Я даже разозлилась на себя.

— Да, лорд Грейвз я продолжаю анализировать дела. По вечерам, в свободное время. Мне жаль девушек и я хочу чтобы мерзавца остановили. Мне кажется это важным.

— Вы упорны, мисс Блэквуд. Ваше упорство бы в полезное русло... Ваша взяла. Продолжайте работу, вдруг вы увидите то, что не увидел я, также как с произошло с подшивкой дела. И я наверное должен перед вами извиниться.

Я удивленно подняла на него глаза.

— Вам не за что извинятся, лорд Грейвз.

— Есть, Элизабет. Я вас напугал тогда. Я немного вышел из себя. Это личное, но я не готов пока с вами это обсуждать. Но я хотел бы что бы вы знали, что мне тоже не все равно. Следствие ведется, только я хочу чтобы о нем знало как можно меньше людей. Поверьте, этому есть причины.

— Если все так как вы говорите, то я вас прощаю, — серьезно сказала я.

— Очень рад, — усмехнулся он. — Я все это время видел чем вы заняты и сегодня пришел сказать, что вы не обязаны сидеть до ночи. Можете делать это в течении дня, да и работа никуда не убежит.

— А если убежит? — улыбнулась я. — Вдруг она такая же упрямая, как я.

Он не ответил, но уголок его губ дрогнул. Я впервые видела его почти улыбающимся, и от этого у меня внутри что-то сжалось.

— Хорошо. Тогда я распоряжусь, чтобы вам оставляли дежурный экипаж после работы, — произнёс он, разворачиваясь. — Нечего ходить пешком по ночному городу.

И ушёл, а я осталась сидеть, глядя на закрывшуюся дверь, и чувствовала, как в груди разливается странное тепло. Возможно эта работа не так и плоха, как мне говорили в колледже, а начальник не так равнодушен, как я думала вначале.

После убийства Агнес Торн город притаился, как зверь, зализывающий рану. Газеты ещё кричали заголовками, но уже не с прежним надрывом. Паника постепенно оседала, как взвесь в мутной воде, но на дне её оставался страх — липкий, невидимый, проникающий под кожу. Вейлмар продолжал жить, потому что не жить он не умел, но в каждом взгляде, брошенном на незнакомца, в каждом шорохе за спиной теперь сквозило одно и то же: «А не он ли?»

Я приходила в управление рано, уходила поздно, и дни мои сливались в один долгий, монотонный гул. После четвёртого убийства лорд Грейвз стал ещё более замкнутым, если это вообще было возможно. Он работал почти без сна — я видела, как по утрам под его глазами залегали тени, а на столе росла гора пустых чашек из-под кофе. Я варила ему кофе, носила бумаги, принимала посетителей и делала всё то, что положено секретарю, но в глубине души знала: что-то изменилось. Он стал смотреть на меня иначе. Не то чтобы теплее, нет. Просто теперь в его взгляде, когда он останавливался на мне, было не только холодное превосходство, но и что-то ещё — тень беспокойства, может быть.

Первые недели после убийства Агнес были самыми тяжёлыми. В городе только и говорили, что о маньяке, о том, что полиция бездействует, а новый суперинтендант, говорят, сам из аристократов и не сегодня завтра сбежит обратно в свой особняк. Я слушала эти разговоры и молчала, хотя иногда так и подмывало вставить слово. Но я помнила, об осторожности.

Лорд Грейвз между тем взялся за чистку рядов. Оказывается все это время он анализировал дела, в том числе и на предмет качества расследования. Он вызывал к себе инспекторов и констеблей одного за другим, и выходили они от него с лицами людей, только что подписавших собственный приговор. Многих отправили на пенсию — с формулировкой «по состоянию здоровья» или «за выслугой лет», но все понимали: это была не забота, а приговор. Некоторых переводили в дальние участки, некоторых увольняли без объяснений. На их места приходили новые люди — молодые, подтянутые, с горящими глазами, которые ещё не успели погаснуть от пыли архивов и равнодушия начальства. Начальник лично проводил собеседования, и я видела, как он вглядывается в каждого, словно ищет в них что-то, особенное.

Мне он поручил гору бумажной работы: отчёты, сметы, переписку с канцелярией, распоряжения по личному составу. Я сидела за своим столом в приёмной, обложенная папками, и строчила документы, чувствуя, как пальцы немеют от пера. Иногда, поднимая голову, я ловила на себе взгляд лорда Грейвза из приоткрытой двери, но он тут же отворачивался и занимался чем-то другим.

Однажды, проходя мимо моего стола, он вдруг остановился и брезгливо окинул взглядом обшарпанные стены, потрескавшийся потолок и скрипучие половицы.

— В этом хлеву невозможно нормально работать, — произнёс он, и в голосе его было не раздражение, а усталость, как у человека, который устал бороться с обстоятельствами. — Мисс Блэквуд, найдите строительную фирму. Пусть осмотрят здание и составят смету на ремонт. Хочу, чтобы здесь наконец-то можно было дышать свежим воздухом, а не глотать пыль.

Я удивилась, но кивнула. Поручение было неожиданным, но приятным: оно отвлекало от мрачных мыслей и давало повод выходить из управления, встречаться с подрядчиками, изучать сметы. Я с жаром взялась за дело, и вскоре мой стол снова был завален бумагами — теперь уже не отчётами о преступлениях, а счетами на штукатурку и замену оконных рам.

Складывалось ощущение, что все забыли про девушек и сосредоточились на текущих делах: мелких кражах, мошенничествах, чистке рядов полиции и ремонте.

С Мартином Финчем мы сдружились. Он оказался на удивление лёгким в общении, несмотря на то, что в его глазах всё ещё стояла та самая ночь с телом Эмили Харт. Мы стали вместе ходить в маленькую едальню у Восточного моста, где подавали густой суп, свежий хлеб и чай с мятой. Сидели у окна, смотрели на прохожих, говорили о пустяках, и на какое-то время я забывала о работе и странных взглядах начальника.

Финч рассказывал о своей семье: отец его работал на бумажной фабрике, мать шила на заказ, младшие сёстры ходили в приходскую школу. Он мечтал стать когда-нибудь инспектором, но боялся, что не потянет, что не хватит ни образования, ни связей.

— Ты потянешь, — говорила я ему, и он улыбался той смущённой улыбкой, от которой на душе становилось теплее. — Ты честный, умный и въедливый. А это сейчас редкость. Да и лорд Грейвз тебя оставил, значит надежда есть.

Один раз мы выбрались в парк Верхнего яруса. Финч знал туда вход через старые ворота, которые давно не охранялись. Мы гуляли по аллеям, усыпанным жёлтыми листьями, кормили уток в пруду и смеялись над тем, как один наглый селезень выхватил у меня из рук кусок хлеба. В тот день я впервые за долгое время почувствовала себя не секретарём, не помощницей лорда Грейвза, — а просто молодой женщиной, которая имеет право на маленькие радости.

Томас Рид продолжал свои ухаживания. Он заходил в приёмную, когда лорда Грейвза не было, облокачивался на мой стол и заводил разговоры о чае, танцах и прогулках. Я отказывала ему вежливо, но твёрдо. Он не обижался, лишь усмехался и уходил, чтобы через пару дней вернуться с новым предложением. Я замечала, что он также заглядывает в канцелярию, где работала хорошенькая машинистка, и что он однажды провожал дочь лавочника с Рыночной улицы. Это меня не задевало, но утверждало во мнении, что его интерес поверхностен и не постоянен, как весенний ветерок.

Однажды он пригласил меня на танцы при всех — громко, с улыбкой, от которой у любой другой девушки, наверное, подогнулись бы колени. Я ответила отказом, сославшись на усталость, и он на время отступил, хотя по его глазам было видно, что он не сдался, а просто взял паузу.

Лорд Грейвз, узнав о приглашении, ничего не сказал. Но в тот вечер, когда мы остались вдвоём в его кабинете, он был особенно резок. Я подавала ему документы, и он выхватил их у меня из рук, чуть не порвав.

— Вы, кажется, пользуетесь успехом, мисс Блэквуд, — произнёс он, не глядя на меня. — Инспектор Рид, капрал Финч... Кто следующий?

Я удивлённо подняла брови.

— Капрал Финч — мой друг, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А инспектор Рид — не моя забота.

Лорд хмыкнул, но промолчал. Он переложил бумаги с места на место, затем вдруг посмотрел на меня в упор, но тут же отвел взгляд.

— Вы верите, что справедливость существует, мисс Блэквуд? — спросил он тихо, и вопрос его прозвучал не как праздное любопытство, а как признание, вырвавшееся помимо воли.

Я нахмурилась. Он смотрел на меня, и в этот момент в нём не было ни холодности, ни высокомерия.

— Я хочу в это верить, — ответила я, не отводя взгляда. — Иначе зачем всё это?

Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой, как полынная настойка.

— Я когда-то тоже верил. Пока не увидел, как легко она превращается в товар. Знаете, когда я вступил в эту должность, то думал, что находясь на этом месте очень быстро во всем разберусь и выйду на убийцу. Уж точно не буду топтаться на месте и бездействовать, как эти полицейские бездельники. И вот уже идет четвертый месяц, а я еще даже не приблизился к разгадке.

Он отвернулся к окну, и я почувствовала, что не должна ничего говорить. В такие минуты слова были бы лишними. Я просто стояла и смотрела на его напряжённую спину, на то, как пальцы его сжимают трость, и впервые видела перед собой не лорда, не суперинтенданта, а человека, который несёт на плечах бремя, которое нежелали нести другие.

На следующий вечер, во время очередной сверки очередной сметы я рассказала ему о миссис Прайс. Не знаю, зачем. Я хотела с кем-то поделиться, а рядом был только он. Возможно я надеялась, что ему подвластно, то что недоступно для меня. Я говорила долго — о старушке, о её муже-ветеране, о битве при Каррагане, о том, как у неё украли последнее, что оставалось от той жизни. О том, как она плакала, показывая мне портрет мужа, и как её племянник, негодяй и картёжник, разбил ей сердце. Не стала скрывать и то, что старушка рассказала о коллекционере, но последнее его как-будто даже не заинтересовало.

Лорд слушал молча, не перебивая. Когда я закончила, он долго смотрел на меня.

— Вы очень равнодушны, мисс Блэквуд, — произнёс он наконец. — Это опасно.

— Опасно — быть равнодушной, — ответила я, вложив в слова больше смелости, чем чувствовала на самом деле. — Равнодушие. Вот что множит зло в мире. Не будь его в мире очень многих бед можно было избежать.

Он ничего не сказал, но я видела, что мои слова ему понравились.

Прошло ещё несколько недель. Убийств больше не было, и город понемногу начал выползать из своей скорлупы. На улицах снова звучал смех, в трактирах снова пили и пели, а газеты, уставшие от темы монстра-убийцы, переключились на политику и цены на уголь. Но я подзревала, что это затишье обманчиво, как поверхность болота, под которой дремлет трясина.

В один из дней лорд Грейвз вызвал меня в кабинет. Я вошла и остановилась, потому что на столе, на чистом листе бумаги, лежал тот самый орден. Золотой, с полудрагоценными камнями, с гравировкой. Он поблескивал отполированными гранями в свете газовой лампы.

— Племянник, миссис Прайс, действительно украл его, — произнёс лорд, стоя у окна спиной ко мне. — Но сбыть не сумел. Мои люди нашли орден у скупщика краденого на Рыночной. Что же до коллекционера... — Он помолчал. — Я думаю, что это совпадение. Просто совпадение.

Я подошла к столу и взяла орден в руки. Он был тяжёлым, холодным, и в этот момент я почувствовала, как к горлу подступает комок. Я не верила в совпадения, но хотела верить в то, что справедливость иногда всё-таки случается.

— Благодарю вас, лорд Грейвз, — тихо произнесла я.

Он обернулся, и взгляды наши встретились. В его глазах было что-то тёплое, почти нежное, но такое мимолётное, что я не успела понять, почудилось ли мне это.

— Не за что, — ответил он мягко. — Просто отнесите его старушке.

Это был очень человечный поступок со стороны лорда, но его уверения о том, что информация о коллекционере была совпадением все же меня насторожили. Не слишком ли много «случайных совпадений» находит лорд суперинтендант.

В тот же день я поехала к миссис Прайс. Когда я положила орден на её морщинистую ладонь, она не сразу поняла, что это. А потом заплакала — тихо, без слов, прижимая медаль к груди, как прижимают младенца. Она целовала гравировку, гладила камни и повторяла: «Генри, мой Генри...»

Я стояла и смотрела на неё, и в душе моей теплилось чувство, которое, как мне казалось, давно умерло. Надежда. Маленькая, хрупкая, как росток, пробившийся сквозь камень. И несмотря на все подозрения меня не покидало теплое чувство благодарности к лорду суперинтенданту, который нашел в своем перегруженном обязанностями дне время и силы для того чтобы одной пожилой леди вернуть частичку сердца.

Когда миссис Прайс наконец успокоилась, прижимая орден к груди, она вдруг встрепенулась, промокнула глаза платком и взглянула на меня с той особой доверительностью, какая бывает у стариков, решивших, что собеседнику можно верить.

— Знаете, мисс, после вашего визита, с тем молодым человеком, я вспомнила еще один момент который меня насторожил, но я не придавала ему особого внимания. Это о том коллекционере, — заговорила она, понизив голос, хотя в комнате, кроме нас, никого не было. — Возможно это и не существенная деталь, но я вам тогда сказала, что он приходил только из-за ордена. Но это не все.

Я насторожилась.

— Он что-то ещё спрашивал?

Старушка кивнула, и в её глазах промелькнула тень.

— Он, когда понял, что орден я не продам, вдруг перевёл разговор на мою помощницу. На Бесси. Она тогда жила у меня, помогала по дому, пока не уехала к родителям. Он спросил, где она, давно ли работает у меня, куда собирается. Я ещё удивилась: с чего бы такому господину интересоваться простой деревенской девчонкой? Но он всё улыбался, вежливый такой, а глаз горит недобро, каким-то азартом.

— И что вы ему сказали? — я старалась, чтобы голос звучал спокойно.

— Сказала, что Бесси уехала ещё до того, как он пришёл. К родителям в деревню, подальше от городской суеты. Она тогда сама не своя была, всё боялась чего-то, но мне не признавалась. А недавно письмо прислала. Говорит, вышла замуж за соседа, живёт тихо, ребёночка ждёт. Я за неё рада.

Я молча кивнула, записывая каждое слово в блокнот. Рука дрожала, но я заставляла её выводить буквы чётко.

Перед уходом я ещё раз поблагодарила миссис Прайс. Она прижала мою ладонь к своей щеке.

— Вы хорошая, — прошептала она. — Берегите себя.

Я вышла на улицу, чувствуя, как туман обнимает меня за плечи. В голове крутились её слова: «Он спрашивал про Бесси». Что ему могло понадобиться от простой помощницы вдовы? Возможно он интересовался именно ей, а возможно и нет. Снова совпадение?

Я не побежала с этой информацией к лорду Грейвзу. Я помнила, как он отмахнулся от моих подозрений. «Совпадение», — сказал он. Но сколько ещё таких совпадений должно случиться, прежде чем он увидит то, что вижу я? И хочет ли он увидеть эту правду?

Глава 5. В которой арестовывают промышленника, я узнаю о чудовищных тайнах и впервые вижу лорда Грейвза растерянным

Утро началось с того, что в управлении пахло не только карболкой и сыростью, но и чем-то новым — предгрозовым электричеством, когда воздух гудит от напряжения ещё до того, как сверкнёт первая молния. Я почувствовала это, едва переступив порог. Констебли у входа перешёптывались, как торговки на рынке, и смолкали, стоило мне подойти. Дежурный выглядел так, будто всю ночь не спал, а у лестницы стояли двое судебных приставов с каменными лицами.

Я поднялась к себе, но не успела даже снять пальто, как в приёмную почти вбежал Финч. Волосы его были растрёпаны, в глазах горел странный, почти лихорадочный блеск.

— Мисс Блэквуд! — выдохнул он. — Вы слышали? Ночью арестовали Эдварда Блэкфорда. Промышленника. Того самого, из дела об убийстве горничной.

Я так и замерла с пуговицей в пальцах.

— Как? Почему сейчас?

— Говорят, дочери дали против него показания. — Финч понизил голос, хотя вокруг никого не было. — Они пришли сами, ночью. Все трое. Просили личной аудиенции лорда суперинтенданта. После их разговора лорд Грейвз лично подписал ордер на арест.

У меня внутри всё сжалось. Значит, мои находки не напрасны. Дело Энн Мэллори, пылившееся в архиве, наконец сдвинулось с мёртвой точки. Но почему-то радости не было. Только холодок под ложечкой, словно я заглянула в чужую могилу.

Я села за стол, но работа не шла. Всё валилось из рук. Чернильница качнулась, перо соскользнуло, оставив на бланке длинную кляксу. Я смотрела на неё и думала о том, что где-то внизу, в допросной, человек, которого я помогла поймать. Человек, чьё имя я нашла в пыльной папке, сидит сейчас под лампой и отвечает на вопросы. И ответы эти, судя по лицам полицейских, страшнее, чем можно было предположить.

Внезапно в коридоре послышались громкие, уверенные шаги — не такие, как у констеблей или инспекторов, а тяжёлые, с лёгким скрипом дорогой кожи. Я подняла голову и увидела, как в приёмную входят двое мужчин. Они были одеты так, что даже в этом мрачном здании, пропахшем карболкой и табаком, от них повеяло запахом денег. Первый — высокий, сухопарый, с седыми висками и лицом, какое бывает у людей, всю жизнь подписывающих важные бумаги. Второй — помоложе, с пухлым портфелем и надменным взглядом. Оба в чёрных сюртуках, в шёлковых шейных платках, на пальцах — перстни. Они несли перед собой свою значимость, как щит.

— Мы адвокаты господина Эдварда Блэкфорда, — произнёс старший, не удостоив меня взглядом. — Нам необходимо видеть лорда Грейвза. Немедленно.

Дежурный констебль у двери вытянулся, но не отступил.

— Лорд суперинтендант занят, — произнёс он, хотя голос его дрогнул. — Вам следует подождать.

— Занят? — переспросил младший, и в его тоне сквозило презрение. — Вы, кажется, не понимаете, с кем говорите. Господин Блэкфорд — уважаемый промышленник, его имя известно всей империи. Его арест — чудовищная ошибка. И ваш... суперинтендант, — он произнёс это слово так, будто оно было ругательством, — должен её исправить.

Томас Рид, оказавшийся рядом, вышел вперёд.

— Господа, прошу вас, не устраивайте сцен. Если вам угодно, я могу передать лорду Грейвзу вашу просьбу. Но он сам решит, когда вас принять.

— Просьбу? — Старший адвокат усмехнулся. — Это не просьба, молодой человек. Это требование закона. Арест произведён с нарушениями. Мы будем жаловаться канцлеру. И, возможно, императору.

Я жала кулаки. Эти люди говорили так, будто закон был их личной собственностью, а полиция — лакеем, который должен кланяться и молча исполнять указания. Но я молчала. Всё-таки я была лишь секретарём.

В этот момент дверь кабинета лорда Грейвза распахнулась, и на пороге возник он сам. Без сюртука, в одной рубашке с закатанными рукавами, с тростью в руке. Его стальные глаза медленно обвели адвокатов.

— Я вас слушаю, господа, — произнёс он, и в этом голосе не было ни капли приветливости.

Адвокаты переглянулись. Тот, что помоложе, шагнул вперёд.

— Лорд Грейвз, мы представляем интересы господина Эдварда Блэкфорда. Требуем немедленного освобождения нашего клиента под залог. В противном случае оставляем за собой право обратиться напрямую в канцелярию Его Императорского Величества за защитой и тогда вам не избежать увольнения, а возможно и лишения титула. Арест был произведён с грубыми нарушениями...

Аластер поднял руку, и адвокат осёкся.

— Пройдёмте в кабинет, — сказал он тихо. — Не хочу устраивать представление для всего управления.

Он развернулся и скрылся в кабинете. Адвокаты, переглянувшись, последовали за ним. Дверь закрылась.

Я сидела за своим столом, не зная, куда деть руки. Сердце колотилось где-то в горле. Я видела, как Томас нервно переминается с ноги на ногу, как констебли обмениваются взглядами. Время тянулось, как смола.

Прошло, наверное, минут десять. Может, пятнадцать. Внезапно дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Оттуда вылетели адвокаты. Их лица были красными, пот катился по вискам. Старший держался за сердце, младший судорожно поправлял сбившийся шейный платок. Они что-то бормотали, запинаясь.

— Просим прощения, лорд Грейвз! — выпалил старший, оборачиваясь на ходу. — Мы не знали... Мы не... Этого больше не повторится!

Младший кланялся, как болванчик, и пытался к выходу.

— Ошибка вышла! — пролепетал он. — Всего доброго, лорд! Всего доброго!

И они исчезли за дверью, чуть не сбив с ног дежурного. В приёмной воцарилась тишина. Я посмотрела на Томаса, тот смотрел на закрытую дверь кабинета с выражением, средним между ужасом и восхищением.

Через минуту из кабинета вышел лорд уже в сюртуке застегнутым на все золотые пуговицы и даже в шейном платке сверкали бриллиантовая булавка. Он был спокоен, как всегда, но в уголках губ пряталась тень удовлетворения.

— Мисс Блэквуд сходите отдохните. Инспектор Рид, — произнёс он, не повышая голоса, — проводите задержанного в допросную. Пора.

Томас кивнул и вышел. Лорд Грейвз на мгновение задержался, переводя взгляд на меня.

— Мисс Блэквуд, — сказал он, — если эти люди появятся снова, не церемоньтесь. Вы в моей приёмной, и вы здесь главнее, чем они.

Я не нашлась что ответить, лишь кивнула.

Около полудня в коридоре послышались тяжёлые шаги, и по коридору провели Блэкфорда. Он шёл, высоко поднимая голову, с выражением оскорблённого достоинства, какое бывает

у людей, уверенных в своей правоте или безнаказанности. Седые волосы аккуратно зачёсаны назад, сюртук дорогой, руки в наручниках, но держит он их так, будто это не кандалы, а модные браслеты. Его взгляд скользнул по мне, как по пустому месту, и в этот момент я поняла, что этот человек не раскаивается. Он оскорблён. Оскорблён тем, что его, такого важного, посмели задержать.

За ними в допросную прошёл инспектор Томас Рид. Дверь закрылась, и потянулись часы.

Я сидела за столом, перебирала бумаги, но мысли мои были там, за обитой дверью. Иногда оттуда доносились приглушённые голоса: низкий, рокошующий — вероятно, Блэкфорда, и резкий, срывающийся — Томаса. Потом стало тихо. Так тихо, что было слышно, как на первом этаже кашляет дежурный.

Когда дверь допросной наконец открылась, я едва не подскочила. Томас вышел медленно, держась за косяк. Лицо его было белым, как накрахмаленная простыня, на лбу выступила испарина, а руки дрожали так, что он не сразу справился с пуговицей на воротнике. Я поднялась ему навстречу.

— Инспектор Рид? — тихо позвала я.

Он остановился, посмотрел на меня пустым, невидящим взглядом, и лишь через несколько секунд его глаза сфокусировались.

— Мисс Блэквуд, — произнёс он резко. — бога ради, отстаньте от меня, мне не до вас. Протокол... я подготовлю завтра. Сегодня мне нужно напиться. Думаю это может помочь.

Он оттолкнулся от косяка и пошёл прочь. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри разливается ледяная пустота. Что же он там услышал? Что могло довести инспектора, который считал себя закалённым, до такого состояния?

Ответ я получила лишь на следующий вечер.

Лорд Грейвз вызвал меня в кабинет, когда за окнами уже сгустились сумерки. Я вошла и остановилась у двери. Он сидел за столом, но не работал: бумаги были отодвинуты в сторону, а перед ним стоял стакан с чем-то тёмным — то ли чай, то ли виски. На его лице залегли глубокие тени, и впервые за всё время службы он показался мне не просто уставшим, а измученным.

— Присядьте, мисс Блэквуд, — произнёс он, не поднимая глаз.

Я села на краешек стула, как делала всегда, когда боялась занять больше места, чем позволяют приличия. Аластер долго молчал, вертя в пальцах перо. Потом заговорил.

— Блэкфорда будут судить, — сказал он ровно, но в голосе его сквозило что-то, похожее на усталость пополам с отвращением. — За убийство Энн Мэллори. Но не за другие преступления. Доказательств его причастности нет никаких.

— Что он рассказал? — спросила я, хотя где-то внутри уже знала, что лучше бы мне этого не знать.

Лорд поднял на меня взгляд, и в нём было странное выражение: смесь жалости и решимости.

— Вы оказались правы насчёт шнура. Он был из его дома. Блэкфорд коллекционировал дорогие безделушки, любил красивые вещи. Шёлковые шнуры, серебряные булавки, какие-то редкие пуговицы. Он хранил это барахло в специальной шкатулке, как хранят сокровища.

Он замолчал, и я видела, как его пальцы сжали перо до побелевших костяшек.

— Он годами насиловал своих дочерей, — произнёс Аластер глухо. — Всех троих. А на людях играл в образцовую семью, с танцами, ужинами и выходами в свет. Начал, когда старшей не было и четырнадцати. Они молчали, потому что боялись. Потому что он угрожал, что отдаст их в приют, что их посчитают сумасшедшими, что никто им не поверит, ведь он прекрасный отец. Горничная, Энн Мэллори, увидела, как он пристаёт к младшей. Ей было двенадцать. Двенадцать лет, мисс Блэквуд. Она поклялась, что пойдёт в полицию. И тогда он убил её. Задушил, а потом вывез тело и бросил в канаве. Шёлковый шнур взял из своей шкатулки. Он сказал, что «хотел, чтобы она умерла красиво». Красиво. Их мать он тоже убил.

Она все узнала и была в ужасе. Он убил её «чтобы она не мешала его счастью с его любимыми крошками».

Меня замутило. В прямом смысле: к горлу опалило кислым, перед глазами всё поплыло. Я попыталась вдохнуть, но воздух застрял где-то на полпути. Эти слова — «не мешала счастью с его крошками» — звучали в ушах, как удары колокола. Я предполагала, что Блэкфорд чудовище, но то, что я слышала, было за гранью.

Я качнулась, и в тот же миг Аластер оказался рядом. Он подхватил меня под локоть, усадил на стул, налил в стакан воды из графина и поднёс к моим губам. Я сделала глоток, потом ещё. Вода была холодной, но внутри всё равно горело.

— Именно поэтому я не хотел, чтобы вы вникали в подробности дел, но результаты этого вы вправе были услышать — тихо произнёс он, и в его голосе не было укора. Только усталость и что-то ещё, чему я не могла подобрать названия.

Я подняла голову. Его ладонь всё ещё лежала на моём затылке, поддерживая, тёплая и крепкая. Я посмотрела ему в глаза — впервые без вызова, без желания доказать что-то. Просто посмотрела.

— Я крепче, чем кажется, лорд Грейвз, — сказала я, и голос мой, к моему удивлению, прозвучал ровно. — Это минутная слабость. От усталости, а не от страха. Вы можете на меня положиться.

Он смотрел на меня долго, и в его стальных глазах что-то дрогнуло. То самое выражение, которое я уже однажды заметила — нежность пополам с болью. Он медленно кивнул. Но через секунду это снова был собранный и холодный лорд.

— Я верю вам и надеюсь, что могу на вас положиться, не подведите меня, мисс Блэквуд, — произнёс он решительно.

Я хотела ответить, но в этот момент потянулась вперёд, чтобы поставить стакан на стол, а он наклонился, чтобы убрать выбившуюся прядь с моего лица. Наши лбы столкнулись с глухим стуком, от которого у меня искры из глаз посыпались.

— Ох! — выдохнула я, зажмурившись.

— Простите, — прошептал он, но не отстранился.

Его ладонь легла на мой лоб, проверяя, не останется ли синяка. Пальцы были прохладными, но прикосновение обжигало. Я открыла глаза и увидела, что наши лица разделяют какие-то сантиметры. Его дыхание касалось моей щеки. В его взгляде было смятение — такое же, как, наверное, и в моём.

Мы замерли. Время вокруг словно остановилось, и в этой тишине я слышала только стук собственного сердца, гулкий, как молот по наковальне. Он смотрел на мой лоб, на мои губы, потом снова в глаза, и я видела, как тяжело вздымается его грудь. Ещё мгновение — и он бы... Глупости!

Он отстранился. Резко, отнял руки от моего лба. Отпустил меня, выпрямился и отошёл к окну. Его спина была напряжена, как тетива.

— Вам лучше идти, мисс Блэквуд, — произнёс он глухо, не оборачиваясь. — Уже поздно. И помните вас ждет дежурный экипаж.

Я поднялась, чувствуя, как дрожат колени. Внутри меня боролись противоречивые чувства: разочарование, облегчение, злость на него, злость на себя. Я поправила юбку, пригладила волосы.

— Вы говорили, что это всё, лорд Грейвз, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал деловому. — Но как же другие девушки? Что с ними? Блэкфорд что-то об этом рассказал?

— Блэкфорд не мог убить последних девушек. — Он повернулся, и в его глазах снова появилась та стальная холодность, за которой он прятал всё остальное. — У него алиби. Во время убийств Маргарет Эшфорд, Розалинды Кросс, Эмили Харт он был на промышленной выставке в Эшвиле. За сотни миль отсюда. Это подтверждают десятки свидетелей и газетные

публикации с фотографиями. А когда погибла Агнес Торн, он был в салоне мадам Розет – актрисы. Его там видели по меньшей мере пятьдесят человек. Он не мог их убить.

— Но шнур...

— Шнур да имелся, но мы никак не можем его положить в основу обвинений, в то время когда другие доказательства этому противоречат, — лорд поджал губы. — Блэкфорд — чудовище. Он убил Энн Мэллори и его будут за это судить. Но не он убивал других девушек.

Я прижала ладонь к ноющему лбу, пытаюсь собраться с мыслями.

— Значит, убийца всё ещё на свободе, — проговорила я. — Тот, кто убил Маргарет, Розалинду, Эмили, Агнес... Он где-то здесь.

Лорд Грейвз кивнул.

— И он может ударить снова. Уже есть заявление о пропаже. Вчера вечером исчезла девушка — Эдна Уиллоуби, восемнадцать лет, швея. Я отдал приказ о поисках, но пока ничего.

У меня по спине пробежал холодок. Она, наверное, шила платья для богатых дам и мечтала о чём-то своём. А теперь её имя может пополнить этот страшный список.

— Он не остановится, — произнесла я тихо. — Пока мы его не поймаем.

— Мы? — Он поднял бровь.

— Мы, — повторила я твёрдо.

Он долго смотрел на меня, потом кивнул.

— Хорошо. Тогда отправляйтесь домой, мисс Блэквуд. Завтра будет трудный день.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как внутри всё дрожит. На улице было темно, туман висел над городом, как полог над постелью больного. Я и вправду воспользовалась экипажем. Доехали быстро. Я вышла из экипажу почти у самых дверей своего дома и боковым зрением увидела какое-то движение. У погасшего фонаря стояла фигура и мне показалось, что мужчина смотрел на меня. Было темно и я не смогла его разглядеть. Я только на мгновение отвернулась на наши окна, но когда снова посмотрела на столб его уже не было. Показалось? Или просто прохожий шел по своим делам?

Дома было тихо. Мама с Руфью уже спали. Я разогрела вчерашнее жаркое, но кусок не лез в горло. Сидела за столом, смотрела на огонь и думала.

Убийца один. Я была в этом уверена. Почерк слишком схож: шёлковый шнур, украшения, тела у Тракта. Но если это не Блэкфорд, то кто-то другой — возможно кто-то, кто знал о его коллекции, кто бывал в его доме, кто перенял его стиль. Или... Нет, об этом думать не хотелось.

Одно я знала точно: пока убийца на свободе, Эдна Уиллоуби в смертельной опасности, конечно если она жива. И, возможно, не только она.

Я легла спать с твёрдой решимостью продолжать. Потому что, как бы ни было страшно, я не могла отвернуться. Глупое желание отыскать правду и наказать виновного. Кто-то же должен, так почему не я?

Глава 6. В которой я узнаю тайну лорда Грейвза, а инспектор Рид просит прощения

После того как я узнала о чудовищных подробностях из дома Блэкфорда, город словно окутало двойным слоем тумана. Дела шли своим чередом: Эдну Уиллоуби искали, но безрезультатно; Блэкфорда готовили к суду; в участке после чистки стало тише, но от этой тишины почему-то было только тревожнее. Я приходила на службу рано, уходила поздно и всё чаще ловила себя на том, что прислушиваюсь к шагам за спиной.

Утром на пятый день после ареста промышленника в приёмную постучали. Я подняла голову от бумаг. На пороге стоял Томас Рид, но не тот самоуверенный инспектор, что прежде ловил каждую возможность для пустого флирта. Он выглядел усталым, под глазами залегли тени, а на лице застыло отчужденное выражение.

— Мисс Блэквуд, — начал он, и голос его прозвучал неожиданно тихо, — я пришёл извиниться.

Я отложила перо.

— За вчерашнее. За то, что нагрубил. Мне стыдно за свое поведение и я хотел чтобы вы об этом знали — Он провёл ладонью по лицу. — Я думал, что видел всё. Что меня уже ничем не удивить. Но то, что рассказал Блэкфорд... — Он осёкся. — Не будем об этом. В общем давайте дружить?

Мне стало его жаль. Впервые за всё время я увидела в нём не досадливого ухажёра, а человека, который признает свои слабости и пытается с ними бороться.

— Вам не за что извиняться, инспектор, — ответила я мягче, чем собиралась. — Такое слышать тяжело. Но вы справились. Это главное.

Он поднял на меня глаза, и в них промелькнула тень благодарности.

— Я хотел попросить вас о помощи, — сказал он. — С протоколом. Мне нужно оформить показания так, чтобы ни одна тварь не сумела подкопаться. А я сейчас... да и раньше я не был силен в составлении бумаг.

— Конечно, — кивнула я. — Диктуйте. Или покажите черновики.

Он сел напротив, и мы проработали так больше часа. Томас оказался куда толковее, чем я думала: он помнил детали, умел выстроить хронологию, а когда я указывала на слабые места, не спорил, а соглашался и переделывал. Между нами установилось то, что я назвала бы уважением. Без флирта, без позёрства.

Через час он ушел, оставив готовый протокол.

После обеда, лорд суперинтендант вызвал меня к себе.

— Мисс Блэквуд, — произнёс он, — я вчера получил краткий доклад от инспектора Рида и еще раз все перепроверил. Вы были правы насчёт шнура. Но алиби промышленника на последние убийства — железное. Я перепроверил лично.

Я подошла ближе.

— Тогда кто убил Маргарет, Розалинду, Эмили, Агнес? Или... это был не один человек?

Лорд Грейвз повернулся. Его стальные глаза были холодны, но в них уже не было той насмешки, что в первый день.

— Пока не знаю. Но это не Блэкфорд. И, если хотите знать, то даже без алиби я склонен думать, что это не он убил остальных девушек.

Он сделал паузу, и я увидела, как его пальцы сжимают трость до побелевших костяшек.

— Вам, вероятно, интересно, почему я так уверен, что Блэкфорд не мог убить их. — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Это называется почерк. У этих преступников

разные поведенческие паттерны. Блэкфорд насильник, но не садист и не убийца. Смерть Энн Меллори – это необходимость, вынужденный поступок чтобы скрыть свои преступления, он не получил от него удовольствия. А убийца других девушек их убивает именно ради удовольствия.

Я слушала, затаив дыхание.

— Вы говорите так, будто знаете, кто это, — тихо произнесла я.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Знаю. Знаю такой тип людей.

Я хотела спросить ещё, но в дверь постучали. Вошёл Томас Рид. Он выглядел уже лучше.

— Лорд Грейвз, прошу прощения, — начал он, — но я подумал, вам стоит взглянуть на это. — Он протянул папку. — Показания одного из бывших слуг Блэкфорда. О его круге общения и обо всем что происходило в доме. Он утверждает, что в доме бывал некий странный господин.

Аластер взял папку, быстро пробежал глазами.

— Хорошо, Рид. Оставьте это мне.

Томас кивнул и, бросив на меня мимолётный взгляд, в котором мне почудилось что-то вроде участия, вышел.

Когда дверь закрылась, Лорд Грейвз произнёс:

— Вы, должно быть, устали. Но я попрошу вас задержаться. Есть разговор.

Я снова села на край стула.

— Я хочу, чтобы вы продолжали работать с бумагами, — начал он. — И, попробуйте навести справки о Г. Мортоне. Вы обратили внимание на его фотографии в делах? Он снимал места преступлений. Изучая дела я обратил внимание, что фотографии с мест убийств похожих на дело рук нашего убийцы подписаны номером в котором через дробь стоит цифра 2, а во всех остальных цифра 1. Это может вообще ничего не значить, но я хочу убедиться. Слишком уж часто его снимки оказываются в делах, которые потом закрыли. Мне это не нравится. Сейчас он в управлении не работает. Я не видел его личного дела среди тех которые уже проверил и не говорил с ним, хотя мне кажется, что я говорил почти с каждым сотрудником полиции от машинисток до инспекторов. На последних осмотрах был другой фотограф. Проявите женское любопытство и все такое.

— Я попробую аккуратно узнать о Мортоне и поищу его личное дело, но уже сейчас могу сказать что означают цифры через дробь.

— И что же они означают?

— Это номер копии, милорд. То есть снимки с цифрой 2 это вторая копия с негатива, а с цифрой один соответственно первая. Номер до дроби, это номер негатива в базе фотографа.

Лорд Грейвз кивнул.

— Спасибо за разъяснения, Элизабет. Это поможет. Но все же постарайтесь узнать о Мортоне поподробнее. И... — он помедлил, — если инспектор Рид попытается узнать, что вы делаете, не говорите ему. Держите при себе.

Я удивлённо подняла брови.

— Вы подозреваете Томаса?

— Я подозреваю всех, — отрезал он. — И вам советую.

К концу рабочего дня в управлении снова началась суета. В коридоре слышались голоса, и дверь в приёмную распахнулась без стука. Я подняла взгляд и на мгновение забыла, как дышать.

На пороге стоял молодой человек лет двадцати двух, высокий, светловолосый, с лёгкой улыбкой на губах и таким обаянием, что даже воздух вокруг него, казалось, заискрился. Одет он был безупречно, но с нарочитой небрежностью: сюртук расстёгнут, шейный платок повязан чуть криво, в руке — трость с серебряным набалдашником.

— Добрый вечер, милая леди, — произнёс он, и голос у него был тёплый, с лёгкой насмешкой. — Вы, должно быть, та мисс Блэквуд.

Он осмотрел меня придирчивым взглядом и кивнул, будто сам с собой соглашаясь.

— Именно такой я вас и представлял. Милая, умная, молоденькая.

Я встала, не зная, куда деть руки. Эти слова, его лицо, его манера держаться — всё кричало о том, кто передо мной.

— Ваше Высочество, — проговорила я, приседая в глубоком реверансе.

Разумеется я не могла не узнать наследника престола Империи. Его фотокарточки продаются во всех галантерейных лавках.

Он рассмеялся, махнул рукой.

— О, прошу, без церемоний. Называйте меня просто Александр. Я нахожусь здесь неофициально.

Будто бы я не понимала, что «неофициально» у наследника престола не бывает и быть не может. Тем более я видела через открытую дверь, что в коридоре у приемной стояли двое гвардейцев и разумеется никто не смел и близко подойти к открытым дверям. И словно ответ на мой взгляд, один из гвардейцев подошел и закрыл распахнутую дверь.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник лорд Грейвз. Увидев Александра, он замер на мгновение, и его стальные глаза сузились.

— Александр, — произнёс он тоном, в котором не было ни то что ни капли благоговения и уважения к правящей династии, но даже вежливого тепла. — А я то думаю по какому поводу переполох. Какими судьбами?

Надо ли говорить, что принц от лорда Грейвза не дождался не то что поклона, даже вежливого кивка.

Наследник престола обернулся и широко улыбнулся.

— Решил навестить любимого братика. Переживаю, как устроился на новом месте, не разогнал ли своим угрюмым видом всех служащих. Ты разве не рад?

Я вздрогнула. Брат? Он назвал его братом? Но лорд Грейвз — Грейвз, а не принц. Да и он старше. Ничего не понимаю. У нас в империи один принц — Его Высочество наследный принц Александр Алдорийский. Может быть он названный брат или это просто фигура речи. Не может же мой начальник быть императорской крови. В голове у меня пронеслось множество мыслей, но я не подала виду.

Лорд Грейвз поджал губы.

— Я занят, Алекс. И у тебя, полагаю, есть дела поважнее, чем мешать работе полиции.

— Мешать? — принц Александр сделал обиженное лицо. — Я, между прочим, приехал помочь. И, раз уж ты так занят, я, пожалуй, украду твою очаровательную секретаршу на ужин. Она, бедняжка, совсем бледная видимо её ты моришь голодом. Ей нужен свежий воздух, а мне компания милой леди. Она украсит мой ...

— Стол? — произнесла я и разом покраснела, поняв какую глупость сморозила.

Принц рассмеялся. Громко и открыто.

— Что за мысли бродят в вашей очаровательной голове? Вечер. Вы просто обязаны скраться мой вечер.

Я почувствовала, как щёки еще сильнее заливает краска, хотя вроде бы больше и некуда. Лорд Грейвз смотрел на брата так, что, будь его взгляд клинком, то принц Александр уже лежал бы на полу.

— Мисс Блэквуд занята, — отрезал он. — У неё работа.

— А по-моему, она заслужила перерыв. — принц повернулся ко мне и улыбнулся той самой улыбкой, от которой, я была уверена, тают сердца фрейлин. Они падают замертво и сами укладываются ровными кучками — Мисс Блэквуд, вы не хотите составить мне компанию? Здесь неподалёку есть чудесная кондитерская. Клянусь, я не кусаюсь.

Я не знала, что ответить. Он был принцем, отказать ему напрямую казалось невозможным. Но и согласиться нереально. Он же принц, а я секретарша. Кроме того, это значило разозлить Лорда Грейвза ещё сильнее.

— Благодарю, Ваше Высочество, — проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — но у меня действительно много дел. Возможно, в другой раз.

Его высочество притворно вздохнул.

— Жаль. Но я не из тех, кто легко сдаётся. — наследник сменил тону серьёзной. — Аластер, нам нужно перекинуться парой слов. Это важно и не терпит отлагательства.

— Тогда пошли в мой кабинет.

Они покинули кабинет спустя почти час. Все это время я сидела как на иголках и пыталась прийти в себя. Я сейчас говорила с самим принцем. Лично. Он даже меня пригласил на ужин. Разумеется это был лишь пустой флирт, но даже звучало это дико. А новость о том что они с лордом Грейвзом братья? Интересно, я одна об этом не знала или это держится в тайне. Господь всемогущий, Элиза дыши глубже могла я сказать себе.

Покидая приемную наследник подмигнул мне, бросив через плечо Лорду Грейвзу: — Увидимся за ужином, братец.

Когда за ним закрылась дверь, в приёмной повисла тишина. Я боялась поднять глаза на лорда. Когда я всё же решилась, он стоял у окна, вся его поза свидетельствовала о принятии ситуации.

— Вопросы, мисс Блэквуд? Только вы дышите, а то это все может закончиться обмороком. Я пару раз хлопнула глазами и будто очнулась.

— Он назвал вас братом, — тихо произнесла я.

Лорд Грейвз не пошевелился.

— Вам показалось.

— Вы сейчас шутите? Я же своими ушами слышала, мне не показалось, лорд Грейвз! Или Его Высочество имел ввиду, что вы побратимы или названные братья?

Он молчал. Потом медленно повернулся. Лицо его было непроницаемо.

— В общем-то это не секрет, мисс Блэквуд. Я не слишком это афиширую, но весь Верхний ярус в курсе этой истории. Это широко известный факт.

— Известный? — переспросила я, чувствуя, как внутри закипает смесь обиды и любопытства. — Я никогда об этом не слышала. Ведь должны были дойти хоть какие-то слухи. Даже газеты об этом никогда не писали. Я давно замечала, что с вами считаются так, как не считаются с обычными полицейскими даже в чине лорда суперинтенданта, но не понимала с чем это связано.

Он смотрел на меня долго, и я видела, как в его стальных глазах что-то борется. Наконец он выдохнул и отвёл взгляд.

— Я сын императора, — произнёс он четко. — Но не по праву престола. Моя мать была... они не были женаты, а после прекращения их связи она вышла замуж за другого, а император женился. Император признал меня, но не официально. Я Грейвз, потому что так было решено. Чтобы не создавать угрозы наследникам, ведь я первенец.

У меня внутри всё перевернулось. Я смотрела на него — на человека, который всегда казался мне воплощением ледяного аристократа, — и видела теперь другое: бремя, которое он нёс с рождения.

Он пристально посмотрел на меня будто принимал какое-то решение.

— Пройдемте в кабинет, видимо я должен объясниться.

Усадив меня на диван, он закрыл дверь и присел на край стола.

— Я надеюсь, все что я сейчас скажу останется между нами. Александр не оставил мне выбора, а вы слишком любопытны и деятельны чтобы от вас это скрывать. Вы себе что-нибудь придумаете, в это поверите, а мне потом в этом всем разбираться.

Я кивнула. Мне даже не было обидно. Все так. Даже за этот час разговора в кабинете я себе напридумывала миллион историй одна другой интереснее. Я даже немного заерзала от нетерпения, что не укрылось от лорда. На это безобразие он только криво улыбнулся, но комментировать не стал.

— У меня расширенные полномочия. У тайной канцелярии и императора есть некоторые подозрения на счет преступника. И они опасаются, что простому суперинтенданту с этим не справиться. Это пока все что я могу вам сказать.

— Можете полностью на меня рассчитывать, лорд Грейвз. Я сохраню тайну и помогу чем могу. Я в полном вашем распоряжении.

— Мисс, Блэквуд, меня очень смущает то как загорелись ваши глаза на фразе про тайную канцелярию и императора, — его глаза уже откровенно улыбались, хотя выражение лица оставалось серьезны. — Боюсь, что вы не совсем осознаете масштабы грозящей вам опасности. Я — сын императора, и мне навряд ли что-то угрожает, а вот вы под ударом. По этому ваша реакция свидетельствует о том, что вы либо очень смелая, либо очень глупая.

— Первое, — ответила я, не отводя глаз. — Второе — только по выходным в свободное от работы время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.